

ДОБРОЕ ДЕЛО

ИЯР 5772

67

АПРЕЛЬ 2012

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

American Jewish
Joint Distribution
Committee

С праздником Победы!

В День Победы мы отдаем дань благодарности защитникам свободы и независимости народов мира, кто воевал и трудился с верой в Победу. Мы с большой вспоминаем тех, кто в боях за родную землю пал смертью храбрых.

День Победы – праздник и всего еврейского народа, знаменующий спасение его от уничтожения.

Мы помним расстрелянных, сожженных, погибших в газовых камерах только потому, что были евреями.

Мы помним выживших в гетто и нацистских концлагерях.

Мы помним тех, кто с риском для жизни спасал евреев.

**Председатель Правления
Михаил Блюмберг**

Мы помним тех, кто своей работой в тылу приближал Победу.

Мы помним тех, кто после войны поднимал из руин страну.

Мы никогда не допустим повторения страшных событий!

От всей души поздравляем клиентов, волонтеров, сотрудников БФ "Хесед Шаарей Цион" с праздником Победы!

Честь и слава воинам-освободителям!

Здоровья, счастья, благополучия на долгие годы!

**Генеральный директор
Анатолий Кесельман**

"Пожелаем перемен на шахматном олимпе!" 2 стр.

"Будем помнить" 2 стр.

Евгения Лукьянова "Твои глаза" 3 стр.

Евгения Лукьянова "Международный день ромов" 3 стр.

Наша гостиная 4 стр.

Проект "Уходящее поколение" 5 стр.

"К 120-летию со дня рождения К. Паустовского" 6-7 стр.

Семен Юшкевич Рассказы 8 стр.

Михаил Ландер "Черный лебедь" 9 стр.

Руфь Зернова "На море и обратно" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

ШАВУОТ

27 мая (6 нисана) евреи всего мира празднуют Шавуот – праздник дарования Торы, имеющий пять значений.

"Шавуот" означает "недели". Со второго дня праздника Песах и отсчитывают семь недель и пятидесятый день – это Шавуот.

Клятва. Название праздника связано с клятвой, которую дали евреи, принимая Тору, и клятвой Б-га Своему народу о том, что Он не заменит его другим народом.

Праздник первых плодов начинается приношением Всевышнему первых семи плодов: винограда, инжира, олив, фиников, гранатов, пшеницы и ячменя. Радость сбора урожая сочетается с радостью принятия Торы.

Хал акацир – Праздник жатвы, когда приношение состоит из двух хлебов, испеченных из только что собранной пшеницы, которые символизируют Устную и Письменную Тору.

Время дарования Торы. В этот день Б-г открыл Себя всему Израилю и дал ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ, содержащих основы

человеческой морали, без которой не обойтись ни одному народу и ни одному человеку. Израиль принял их, все законы Торы и традиции. Письменная Тора (Пятикнижие Моисея) записана Моше со слов Всевышнего, а Устный Закон записан через 1500 лет. Это – «Талмуд» и другие книги под общим названием «Мидраш». "Каждый день нужно читать слова Торы, как будто они новые" – как будто ты принял ее сегодня.

Ацерет – Праздник торжественной встречи – символизирует приобщение к истинному Завету евреев и представителей других народов. В этот день в синагоге читают и Мегилат Рут, моавитянки, перешедшей в еврейство, ставшей прабабушкой царя Давида.

Праздничная трапеза в Шавуот включает молочную и мучную пищу: сыр, творог, сметану, блинчики с творогом, пироги, коврижки с медом, вареники, пирожки, блины с сыром. Этот обычай берет начало с того дня, когда вернувшиеся в лагерь от горы Синай евреи довольствовались молочной пищей. С тех пор в Шавуот перед обедом едят молочное, а потом в отдельной посуде подают мясные блюда.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Государство Израиль провозгласило 14 мая 1948 года. Закончилась война, в которой уцелела лишь треть из девяти миллионов евреев Европы, но для них испытания еще не закончились.

Британское правительство было вынуждено передать решение палестинской проблемы ООН. 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе

Палестины на два государства. Арабы начали военные действия, и территорию, определенную ООН для еврейского государства, пришлось защищать. 14 мая 1948 года, когда истек срок британского мандата на Палестину, Давид Бен-Гурион на заседании в Тель-Авивском музее зачитал Декларацию независимости Государства Израиль. Через несколько часов армии Египта, Иордании, Сирии, Ливана и

Ирака вторглись на его территорию, и евреям опять пришлось защищать независимость, обретенную на земле предков. Тогда более 6 тысяч человек отдали жизнь за то, чтобы существование Государства Израиль стало реальностью.

В 1949 году парламент Израиля установил национальный праздник в 5-й день ияра. Йом а-Ацмаут – День независимости, который в этом году отмечается 26 апреля.

1 мая - День Катастрофы и героизма европейского еврейства

День Катастрофы и героизма европейского еврейства установлен в память о 6 миллионах евреев, погибших от рук нацистов.

Тем, кто с риском для жизни спасал евреев в годы Катастрофы, Законом о сохранении памяти мучеников и героев (1953 г.) присвоено в Израиле почетное звание Праведников народов мира.

Символом еврейского Сопrotивления стало восстание в Варшавском гетто в апреле 1943 года, когда фашисты начали

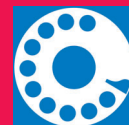
уничтожать там евреев, которые 5 недель оказывали героическое сопротивление.

В День Катастрофы и героизма в Израиле звучат сирены, на две минуты прекращается работа, останавливается транспорт. В Мемориальном музее «Яд ва-Шем» в Иерусалиме поминают жертв Катастрофы.

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" – 737-40-21; Служба "Питание" – 737-40-11;
Программа "Медицина" – 737-40-32; Культурный центр – 737-40-13;
Служба волонтеров – 737-40-24; Дневной центр – 737-40-30;
Газета "Доброе дело" – 737-40-12

Пожелаем перемен на шахматном Олимпе!

Одесские НОВОСТИ

В преддверии Дня Победы более 20 тысяч ветеранов Великой Отечественной войны и участников боевых действий, проживающих в г. Одессе, получают материальную помощь из городского бюджета. Муниципальные выплаты из бюджета города составят: - участникам боевых действий и инвалидам войны – 500 грн., - участникам войны и членам семей погибших – по 200 грн.

В связи с проведением чемпионата Европы по футболу «Евро-2012» занятия в школах заканчиваются: 1-е классы – 3 мая 2012 года; 9-е классы – 11 мая 2012 года; 1-8-е и 10-е классы – 25 мая 2012 года.

9 апреля для улучшения обслуживания пассажиров экспериментально, сроком на 1 месяц, открыт трамвайный маршрут №23 «Куликово поле – Автовокзал». На маршруте работают в будние дни 3 трамвая с интервалом движения 13 – 14 минут. Начало движения в 09:02, окончание и отход от диспетчерского пункта «Куликово поле» в депо в 16:45, от Автовокзала – в 17:04.

Предусмотрено расширение Ивановского путепровода до 4 полос с двумя велосипедными и пешеходными дорожками. Такой проект согласован, и если будет выделено финансирование, работы начнутся в этом году.

На пляжах 11 ст. Б. Фонтана, «Дельфин» и «Лузановка» создаются специальные условия для максимально комфортного отдыха людей с ограниченными физическими возможностями.

«Аэрофлот – «Российские авиалинии» ввел в эксплуатацию седьмой самолет Sukhoi SuperJet 100 (SSJ-100), который будет осуществлять полеты в Одессу. Лайнер носит имя Георгия Бенкунского – заслуженного пилота СССР, участника Великой Отечественной войны, проработавшего в гражданской авиации более 40 лет.

Израильская судоходная компания ZIM расширяет связи между морскими портами Азии и Черноморского бассейна. Грузовые суда компании будут выполнять еженедельные рейсы в Одессу.

В марте Одесский морской торговый порт переработал грузов на 19,6% больше, чем за аналогичный период 2011 г. В частности, на 44% выросла перевалка черных металлов, на 381% – зерновых.

Вице-премьер-министр Украины – министр инфраструктуры Борис Колесников дал старт закладке первой сваи нового зернового перегрузочного комплекса в Одесском морском торговом порту.

В I квартале 2012 г. в Одессе – впервые за последние годы – наблюдается прирост населения – 0,4%.

В шахматной студии Культурного центра Хеседа близится к завершению весенняя серия турниров. Турнир ветеранов в честь Дня Победы над нацизмом выявил группу лидеров. Это недавние кандидаты в мастера Анатолий

Агрес, Владимир Бреславец и Леонид Коган. Таким же составом они финишировали и в осенней сессии, но сейчас к ним присоединился Анатолий Малов. Теперь им предстоит «выяснить отношения» между собой.

А Давид Горенштейн, Владимир Куц и Лариса Фельдман разыгрались только к концу и еще могут улучшить свое положение в итоговой таблице.

Турнир памяти чемпиона Одессы, Украины, Израиля, гениального шахматного самородка Якова Юхтмана также близится к завершению. На финише продолжается гонка между Моисеем Хазанкиным и Александром Калининым. Как она закончится, покажут ближайшие туры. Тем не менее Хазанкин уплотнил свой график и выступил в сильнейшем мировом турнире «Аэрофлот–2012», а также в Московском открытом турнире. В завершение он

планирует участвовать в полуфинале первенства Украины. Не столь активны были Марк Фельдман и Денис Розенвассер. На это имелись свои причины: Фельдман успешно сыграл в чемпионате Одессы, а Денис

Гельфанд/1963 г. р./ – национальный герой Израиля. Именно он сумел пройти труднейший отбор из сотен гроссмейстеров экстра-класса и завоевать право вызвать чемпиона мира на борьбу за шахматную корону. «Шахматы выражают и личность, и через нее – нацию», – эти слова писателя Бориса Зайцева как нельзя полно отражают суть предстоящей борьбы. Пожелаем перемен на шахматном Олимпе!

Матч пройдет с 10 по 30 мая в Государственной Третьяковской галерее России. С инициативой проведения матча в «Третьяковке» выступил спонсор матча предприниматель Андрей Филатов. Призовой фонд составит 2,55 миллиона долларов. Согласно правилам победитель получит 60% от этой суммы, а проигравший – 40%. Еще не начавшись, матч вызвал невиданный интерес и, несомненно, послужит пропаганде шахмат и новому взлету шахматного искусства.

Партии будут транслироваться по 5–6 часов прямо из залов музея с показом сокровищ изобразительного искусства. В нашей шахматной студии будут демонстрироваться партии матча и их обсуждения по воскресеньям с 10.00 до 13.30. Приглашаем всех поклонников шахмат на Нежинскую, 77.

Аркадий Вайнер

Борис Гельфанд

Вишванатан Ананд

работает над диссертацией. Да сопутствует ему успех!

В общем, борьба за верхние места в турнирных таблицах продолжается, и спортивная интрига будет держать в напряжении и участников и зрителей, по-видимому, до рокового, как это обычно бывает, последнего тура.

Сейчас в шахматном мире царит большое оживление, и вызвано оно тем, что близится начало матча на первенство мира. Матч этот далеко не обычный. Встретятся два национальных символа. Вишванатан Ананд /1969 г. р./, национальный герой Индии – страны, где зародились шахматы, и Борис

Будем помнить...

С болью и скорбью вспоминаю замечательную пианистку-аккомпаниатора и педагога Иду Львовну Нудельман, которая скоропостижно ушла из жизни.

Ида Львовна родилась в Одессе, жила с добрыми, любящими ее родителями, вместе с другими талантливыми детьми училась в школе имени П. С. Столярского. Когда началась война, отец ушел на фронт, а мать, опухшая и больная, скончалась на руках дочери, когда их на телеге везли на Слободку, чтобы в дальнейшем отправить в Мостовое, Доманевку, Акмечетку, Богдановку. Во время румынской оккупации она испытала все муки гетто, но, вопреки всем невзгодам, осталась жить.

После освобождения Одессы Ида Львовна поступила в Одесскую консерваторию и успешно окончила ее по классу фортепиано. Работала в культпросветучилище, занималась со многими вокалистами, и приобрела значительный опыт преподавательской деятельности.

Вышла замуж Ида Львовна за Леонида Михайловича Нудельмана, с которым подружилась еще до войны, когда он вместе с ней учился в школе П. С. Столярского, но по классу скрипки. С Идой Львовной он прожил в любви и согласии до конца своих дней.

Л. М. Нудельман рассказывал мне, как в феврале 1944 г. в морозном Свердловске, выйдя из госпиталя, он встретил на улице

Петра Соломоновича Столярского, беседовал с ним. Столярский обрадовался встрече, был полон оптимизма, выражая надежду на скорое возвращение в Одессу.

Наша совместная деятельность с Идой Львовной длилась 17 лет. Это не только овладение техникой исполнения классических и народных песен, но и произведений, относящихся к еврейской культуре и традициям. В 1995 г. в Одесском обществе еврейской культуры при поддержке его директора барда А. Виноградского был создан вокально-инструментальный ансамбль «Аудише лид» («Еврейская песня»), его руководителем и постоянным аккомпаниатором была Ида Львовна.

Для посетителей клуба пожилых людей «Аудише нешом» («Еврейская душа»), которым руководила кандидат математических наук, отлично знающая идиш и иврит Сара Зингер, Ида Нудельман организовывала множество концертов. На одном из них разыгрывались призы за лучшее вокальное исполнение. Мы с Идой Львовной получили фарфоровую тарелку с изображением иерусалимского пейзажа. Она передала ее мне, и с тех пор эта тарелка висит на одной из стен моей квартиры.

В Обществе еврейской культуры сложился дружный коллектив вокалистов, который не раз обновлялся. Ида Львовна аккомпанировала таким исполнителям, как

Наталья Жиронкина, Исая Трахман, Лидия Дериновская, Таисия Зборовская, Мальвина Владова, Лидия Бондарчук, Инесса Иофель, Олег Боташев.

Со своими учениками она участвовала в вечерах, посвященных еврейским праздникам, знаменательным датам, презентациям, авторским концертам, ведущими которых были А. Виноградский, А. Розенбойм, Г. Шмульман, И. Шафир. Она была клиентом Хеседа и немало концертов со своим участием подарила слушателям Культурного центра.

Невозможно забыть ее вклад в мои юбилейный и сольные концерты. На них я с чистым сердцем говорил зрителям, указывая на Иду Львовну: «Это моя консерватория!». Я старался с честью оправдать ее доверие, получив в 2000 году звание лауреата Всеукраинского фестиваля еврейского искусства «Шолом, Украина!», а также почетного звания лауреата «Гран-при» на Всеукраинском фестивале-конкурсе еврейской песни «Черниговская осень» с вручением приза «Золотой граммофон».

Как тяжело осознавать, что человека, которого ценишь за то, что он указывал не только на твои достижения, но и на недостатки, больше нет рядом. От своего имени и от имени всех вокалистов, упомянутых мной, хочу сказать, что мы благодарны Иде Львовне за ее науку, за дружбу и, пока живем, будем всегда с благодарностью помнить ее.

Иосиф Жеребкер

Уроки языка идиш

Урок 14

Склонение существительных

Склонение существительных во множественном числе

1. Неопределенный артикль א, אן во множественном числе отсутствует. Ср.:

я читаю книгу (ед. число) איניצאל: איך ליינע א בוך
я читаю книги (мн. число) מערצאל: איך ליינע ביכער

2. Притяжательный падеж во множественном числе обычно не употребляется. Значение принадлежности выражается при помощи предлога פון; существительное множественного числа с этим предлогом переводится на русский язык родительным падежом множественного числа:

книги детей (чьи книги) די ביינער פון די קינדער
дом родителей (чей дом?) דאָס הויז פון די עלטערן

3. Определенный артикль множественного числа и форма множественного числа самого существительного остаются всех падежах без изменения

А. ווערן די טאטעס, די מאמעס, די קינדער
Б. וועמען זעסטו? איך עו די טאטעס, די מאמעס, די קינדער
В. וועמען ענטפערסטו? איך ענטפער די טאטעס, די מאמעס, די קינדער
Г. צו וועמען גייסטו? צו די טאטעס, צו די קינדער

“ Т В О И Т Л А З А ”

Глаза... Половодье чувств, характеров, взглядов... Первый, непередаваемый взгляд младенца, вдруг увидевшего из коляски неоглядную синь неба и последний, навсегда уходящего из жизни человека. Пролитая на щеку соленая капля молчаливо снесшей обиды девчушки, продолжающей доверчиво держать руку, только что резко одернувшую ее, взгляд, обращенный за помощью к другу, врачу, прохожему, и глаза, наполненные высоким чувством прекрасного от общения с искусством или познанием чего-то еще неизведанного и вдруг обретенного.

Наши глаза неизменно отражают малейшие движения души. Они передают сущность человека, черты его характера, иногда даже скрытые замыслы. Врач, психолог, следователь, художник в широком понимании этого слова могут многое понять по глазам человека. И только влюбленные, ослепленные своим чувством, не всегда могут разгадать истинную суть взгляда любимых глаз.

Тема эта одна из благодатнейших в искусстве. Глазам посвящались лучшие творения великих поэтов, прозаиков, композиторов, живописцев. Вот почему Инна Шафир и Семен Вайнблат решили посвятить свою новую музыкально-литературную программу “Твои глаза” этому неиссякаемому источнику вдохновения. Их стихи, песни, романсы, композиции, посвященные творчеству А.Вертинского, О.Строка с успехом были представлены на различных сценических площадках Одессы. Новая программа сначала прозвучала в зале Дома ученых, а затем и в Культурном центре, обогащенная эмоциями тех, кто пришел на концерт, чтобы услышать ее повторно. В ней представлены вокальные произведения авторов разных поколений. Открыл встречу романс А. Вилинского “Ах, я влюблен в глаза одни” на стихи Т. Щепкиной-Куперник. Наш земляк В. Ободзинский исполнял песни современных авторов. В программу были включены самые известные из них — “Эти глаза напротив” (Т. Сашко—Д. Тухманов) и “Колдовство” (Л. Дербенев—А.Флярковский).

В 2005 году из Одессы уехал одаренный композитор Л. Геджимунский, написавший на стихи С. Вайнבלата семь песен, одна из которых “Сильнее, чем магнит” была исполнена на встрече. А недавно С. Вайнблат перевел на язык эсперанто текст М. Урицкого “Что ж ты опустила глаза”, написанный на мелодию Ч. Биксио. В концерте романс прозвучал с оттенком испано-итальянского колорита.

Говоря о композиторах, писавших о женских глазах, невозможно умолчать о короле танго, выдающемся

пианисте-виртуозе О. Строе. Однажды продавщица принадлежащего ему нотного магазина, обладательница очаровательных черных глаз, вдохновила его на создание первого в его творчестве танго “Черные глаза”, которое обессмертило имя композитора. В концертную программу вошли написанное им на заказ танго “Голубые глаза”, оптимистичные “О как мне сладко” и “Старый романс”.

В эстрадном оркестре Э. Рознера работал музыкант А. Гаррис, который в годы войны создал замечательную песню на слова поэта В. Ильченко “Черные ресницы, черные глаза”, которая сразу же стала популярной. Ее пели и в тылу, и на фронте. Она и сейчас, как и 70 лет назад, трогает душевные струны.

В жизни каждого из нас есть единственные в мире глаза, которые мы

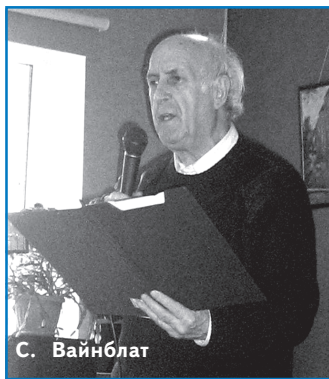
видим с момента рождения и до самого их угасания. Эти глаза всегда оберегают, сопровождают, все понимают, печалятся и прощают то, чего никто не простит. Это глаза наших мам, которые “смотрят из глубин тысячелетий”. Именно им посвящена трогательная песня одесского композитора-скрипача, автора многих клезмерских мелодий А. Чернера, написанные на стихи днепропетровского ученого и поэта Ю. Полиско “Еврейской женщины прекрасные глаза”. С душевным волнением исполненная С. Вайнблатом, эта песня любовью и болью отозвалась в сердце каждого сидящего в зале.

В концерте не была забыта популярная в свое время песня “Почему, отчего” из кинофильма “Повесть о первой любви”, созданная А. Эшпаем и В.Котовым. Услышав ее, Л. Утесов попросил В. Котова написать другие слова и с разрешения композитора стал исполнять песню “Ах, Одесса моя ненаглядная.”

В 1929 г. романсовое творчество в СССР было запрещено как искусство, вызывающее упаднические настроения. Это коснулось и многочисленных произведений Б.Фомина, автора романсов “Только раз бывает в жизни встреча”, “Дорогой длиною”. На встрече прозвучал его романс “Твои глаза зеленые”. Слушатели с удовольствием прослушали произведения, которые уже более ста лет волнуют сердца. Это романс П. Булахова на слова Г. Гейне “Прелестные глазки” и романс неизвестного композитора на слова И. Кондратьева “Очаровательные глазки”. 55 лет прошло с тех пор, как ушел из жизни композитор, певец, поэт и актер А. Вертинский, главной героиней творчества

которого почти всегда была женщина. Лучшие его романсы отмечены высоким чувством любви и преклонения перед ней. Однако отнюдь не лишенный чувства тонкого юмора и легкой иронии над мужчинами, в том числе и над собой, он пишет блистательно-насмешливый романс “Без женщин”. Весьма близок к ироничности А. Вертинского, но резко отличающийся по характеру романс З. Левиной на слова О. Ширази “Красивые глазки”, в котором воспеваются все достоинства женского лица и фигуры, за исключением змеиного сердца. Но в рефрене, несмотря ни на что, по-прежнему остаются притягательными красивые глазки.

На этой интереснейшей встрече едва ли была затронута тысячная часть того, что за долгие века создало человечество, стремясь проникнуть в сокровенную тайну глаз. И какую же огромную, кропотливую работу нужно было провести, чтобы отобрать то, что близко

С. Вайнблат

исполнителям и небезразлично слушателям. И. Шафир и С. Вайнблат в этой программе воспринимались как одно неразделимое целое. Четко продуманное, строго выстроенное звучание композиции, проникновенные глаза ведущей, обращенные к слушателям, мягкость, задушевность голоса, тонкий, чуткий, дышащий одним дыханием с вокалистом

аккомпанемент И. Шафир сыграл ту удивительную роль, имя которой гармония.

“Как много в жизни мы встречаем глаз” звучит в песне О. Фадеевой и О. Фельцмана. И неважно, грустные они, задумчивые, веселые, строгие, счастливые или насмешливые. Они могут быть таинственно-зелеными, бархатно-кариими, черными, как вязкий омут неразгаданности, ласково-серыми, с солнечными искорками, голубыми, как цветы дикого цикория на приморских склонах, или подобны камню любви — бирюзе, но лишь ум, осмысленность, искренность и участие делают их родными и дорогими сердцу. “Синие, серые, карие, черные.” / Выбор велик. Что здесь можно сказать? / Только одно — в этом мире просторном мы / Ищем любимые сердцем глаза. / Жизнь без любви в одночасье померкла бы. / Пусть же даруют всем нам небеса / Чистой души столь же чистое зеркало — / наших любимых родные глаза.” (И. Шафир).

Международный день ромов

Из самых различных флагов стран, народов, городов выделяется флаг с беспредельной синью неба, сочностью весенней травы и колесом по центру — символом вечного движения. Это флаг ромского народа, который просто и ярко выражает суть его истории и жизни.

Ромы вышли из Индии в третьем веке, из касты певцов и танцоров. Пацифисты по своей природе, они никогда не принимали участия в войнах, избегали экономических крушений, не вступали в конфликты с правителями и не шли к ним в услужение.

В России и Украине они появились в конце 17-го века и никогда не выполняли работу, не связанную с искусством. В городах послушать их семейные хоры и солистов приезжали царедворцы, помещики, элитарная знать. У них всегда были меценаты.

В советское время, в конце 30-х годов, был создан и поныне действующий театр “Ромэн”, и даже издавались словари. Но затем о них забыли. Им перестали выдавать паспорта, и получалось, что вроде они есть, но в то же время согласно документам их не было.

8 апреля 1971 г. в Англии состоялся первый Всемирный конгресс ромов. Они стали единственным в мире народом, у которого, кроме своего флага и гимна, есть и свой день в календаре. Об этом говорили гости Культурного центра Хеседа вице-президент Международного фонда “Чирикки” / “Птица” / В.Кондур, председатель Одесского областного общества ромской культуры “Романи Збора” / “Цыганское слово” / Жужуна Дудачава и председатель молодежного крыла, заместитель председателя общественной

организации молодежного блока “ИКО” (интернациональное крыло Одесщины) Виктория Муяки.

Они рассказали, что в области работает 17 цыганских организаций, а ромский язык насчитывает 38 диалектов. Покидая Индию, они взяли с собой всего 300 слов и, кочуя из страны в страну, добавляли к ним новые слова, выражения, обороты речи, свойственные тому народу, среди которого жили. Они сумели сохранить свой язык, национальные обычаи, одежду, фантастическую преданность женщин своей семье, особенно детям. Живя в разных странах, а иногда и на разных континентах, они всегда все знают друг о друге. Ведь до сих пор никто не отменил легендарную “цыганскую почту”.

Ромская культура внесла немалую лепту в развитие музыкальной культуры всего мира, особенно это коснулось джаза в Испании и Франции. Ромы подарили миру искусство Г.Вишневской, В.Козина, Л.Черной, Н.Сличенко. Есть среди них выдающиеся ученые, писатели, спортсмены.

Эта встреча была посвящена Дню цыганского творчества в преддверии Международного дня ромов. Все ждали, что будет много исполнителей в ярких костюмах, но на сцену вышла высокая, величественно-красивая, в длинном строгом черном платье, на удивление светлоглазая Жужуна Дудачава. Звукорежиссер З. Харлампиди включил аппаратуру, и глубокий, сильный голос наполнил зал огненной энергетикой веселья и жизнелюбия. Прозвучали “Это жизнь, а это я”, “Ручеечек”, шуточная песня, передающая разговор отца

Жужуна Дудачава

и дочери о покупке серег; веселая, с характерным “хоп, хоп, хоп” песня-танец о лучшей девушке, сидящей на повозке. В этих песнях отображен характер никогда не унывающего народа, наделенного чувством юмора. Иногда в них звучат мелодии грусти или горя, но чаще всего — это понимание непреходящей ценности жизни. Особенно это чувствовалось в песне “Мамины глаза”, которые “все на свете понимают, все грехи нам отпускают”. И глаза многих присутствующих наполнились слезами, когда прозвучали слова, которые звучат в душе каждого из нас: “Как жаль, что не погаснуть вам нельзя”.

Исполнительница заразила весельем, светом и теплом всех, кто пришел в этот день на дружескую встречу представителей двух многострадальных народов, сполна испытавших на себе трагедию и горе угрозы полного уничтожения.

В дар ромам была передана картина с изображением доброго, человеколюбивого дельфина, вышитая бисером рукодельницами кружка, руководимого И.Корсунской, а волонтер И.Июфель рассказала о своей неудавшейся попытке стать актрисой театра “Ромэн”. В ее памяти навсегда остались светлые минуты общения с Лялей Черной и Николаем Сличенко. Анна Розен рассказала о своей авторской программе “Цыганский вернисаж” и концерте коллектива “Ренессанс”, в котором прозвучали цыганские романсы.

В конце встречи Виктория Муяки выразила благодарность еврейским мамам и бабушкам, присутствующим в зале, рассказав, что в молодежном блоке “ИКО” самими интеллектуальными детьми, занявшими на различных конкурсах первые места, были еврейские дети. Низкий им поклон за достойное воспитание.

Страницу подготовила Евгения Лукьянова

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители “Нашей гостиной”!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем постоянно посещать “Нашу гостиную”, поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Особое мнение

Будем взаимно вежливы!

В советские времена в магазинах на видном месте висел лозунг: «Товарищи, будем взаимно вежливыми!». Хорошие слова, только продавец зачастую высказывал покупателю такое, что женщинам и детям категорически запрещено слушать.

В отличие от тогдашнего продавца, сотрудник Хеседа никогда не позволит себе не то что грубость, но даже повышенный тон. Зато многие «по другой стороне прилавка», т.е. наши клиенты, уверены, что они на это имеют право. И если слышат в чем-нибудь отказ, то в дело идут все слова, которым их в детстве научили “плохие мальчики и девочки”. Среди таких клиентов встречаются люди психически неадекватные.

К ним мы испытываем жалость и сочувствие, не обижаемся и даже бранные слова их, как говорят в Одессе, не берем в голову. Но есть, к сожалению, и другие люди.

Мы давно переписываемся с одним из наших клиентов. Беседа с ним похожа на разговор с глухим. Для него и иже с ним мы многократно рассказывали на страницах газеты и персонально разъясняли им кураторы, руководители программ, иногда даже директор Хеседа, что Хесед — организация не самостоятельная, она функционирует на спонсорские средства, которые наш учредитель собирает по всему миру. Спонсоры же установили и правила использования этих средств. Эти правила изложены в соответствующих критериях и инструкциях работы всех программ и подразделений Хеседа. Мы отстаиваем перед учредителем свое мнение по разным вопросам оказания социальной помощи, доводим до него пожелания и предложения клиентов, но, когда поступает утвержденный директивный документ, обязаны выполнять только его.

Это мы неукоснительно делаем и не собираемся выслушивать то, что уважающий себя и других человек никогда себе не позволит.

Если человек пришел в Хесед, значит у него не все благополучно и он нуждается не только в социальной помощи, но и в понимании и сочувствии. Однако на какое сочувствие можно рассчитывать, если вы обижаете и, чего доброго, оскорбляете того, от которого это сочувствие ожидаете?

Может, все-таки стоит повесить дома плакатик о необходимости взаимной вежливости и чаще поглядывать на него?

Новое в определении категорий нуждаемости

С 1 апреля с.г. изменены категории нуждаемости всем клиентам Хеседа. Как известно, категория нуждаемости определяется по доходам клиента. В доход входит пенсия клиента и заработная плата (если клиент работает). Работающим клиентам старше 70 лет заработная плата в доход не включается. Если клиент состоит в браке, доход определяется

делением на два суммы пенсий и заработной платы обоих супругов. Мы неоднократно предупреждали, что справки о размере пенсии и заработной платы нужно было представить до 31 марта с.г. Клиентам, не представившим справки к этой дате, не будет оказываться помощь по всем социальным программам. Если даже один из супругов не представил требуемые справки, помощь не получат оба.

Новые значения дохода для определения категории нуждаемости:

1-я категория нуждаемости: имеющие статус “Жертва нацизма” (ЖН) — 0 - 1200 грн.;

не имеющие статус “ЖН” - 0-1100 грн.

2-я категория нуждаемости: имеющие статус “ЖН” — 1201-2100 грн.; не имеющие статус “ЖН” — 1101-1900 грн.

3-я категория нуждаемости: имеющие статус “ЖН” — 2101-3000 грн.; не имеющие статус “ЖН” — 1901-2500 грн.

4-я категория нуждаемости: имеющие статус “ЖН” — 3001-3500 грн.

Клиенты, имеющие статус «ЖН», доход которых превышает 3500 грн, помощь по программам «Питание» и «Медицина» в 2012 году получать не будут.

По всем вопросам, связанным с определением категории нуждаемости, нужно обращаться к своему куратору.

Суммы, выделенные для оплаты медикаментов и продовольственных товаров по пластиковым карточкам во втором квартале 2012г.

Медикаменты

“Жертвы нацизма”

Узники гетто, 1-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) и узники гетто — 420 грн;

не одинокие — 400 грн.

2-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 370 грн;

не одинокие — 340 грн.

3-я категория нуждаемости: одинокий (одинокая семья) — 280 грн;

не одинокие — 260 грн.

4-я категория нуждаемости: (одинокие, не одинокие) — разовая помощь — 320 грн. в год только клиентам, которые не приобретали медикаменты в I-м квартале с.г.

Не “Жертвы нацизма”

“Праведники мира” — 420 грн.

1-я категория нуждаемости: одинокие — 100 грн;

не одинокие — 80 грн.

“Магазин”

“Жертвы нацизма”

Узники гетто, 1-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 840 грн;

не одинокие — 725 грн.

2-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 700 грн;

не одинокие — 660 грн.

3-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 600 грн;

не одинокие — 560 грн.

4-я категория нуждаемости: одинокие, не одинокие — 200 грн.

Не “жертвы нацизма”

“Праведники мира” — 840 грн.

1-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 215 грн;

не одинокие — 195 грн.

2-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 165 грн;

не одинокие — 145 грн.

ВНИМАНИЕ!

В программе «Медицина» выдаются подгузники и пеленки за 2-й квартал с.г.

Подгузники и пеленки выдаются при предъявлении клиентом паспорта и пластиковой карточки «Копейки» на основании справки лечащего врача с записью «Нуждается в использовании подгузников».

Г-н Ар-евский. **Вопрос:** В газете “Доброе дело” было напечатано объявление о том, что все участники Великой Отечественной войны и участники боевых действий должны срочно представить копии документов, которые подтверждают этот статус. Для меня это не самая большая проблема, но, насколько я знаю, наши государственные льготы при обслуживании в Хеседе не действуют. Зачем же тогда сотрудникам Хеседа эта ненужная бюрократическая работа?

Ответ: “Хесед Шаарей Цион” уже много лет сотрудничает с государственными органами социальной защиты. В ходе такого сотрудничества мы несколько раз получали гранты на реализацию наших благотворительных программ, успешно

проводили совместные мероприятия с различными национальными обществами как Одессы, так и Одесской области.

Чтобы и дальше продолжать такое сотрудничество, для нас не просто желательно, а очень важно, чтобы все знали, что еврейская благотворительная организация “Хесед Шаарей Цион” оказывает помощь лицам других национальностей, которые сейчас составляют около трети всех наших клиентов, а также ветеранам Великой Отечественной войны.

Г-жа Ф-зон. **Вопрос:** В газете “Доброе дело” № 65 сообщалось, что в больнице, расположенной в парке им. Т.Шевченко, две палаты принадлежат Хеседу. Я хочу, чтобы меня туда направили, но мой куратор сказал, что Хесед помочь в этом деле не может. Так кто в этом случае прав — газета или куратор?

Ответ: Вы, очевидно, не очень внимательно прочитали эту информацию. Хесед не имеет «своих» палат в ГКБ №3. Мы оказали помощь в ремонте и реконструкции двух палат в этой больнице. Поэтому, по договору с администрацией больницы, клиенты Хеседа, которые уже находятся в больнице, могут проходить курс лечения в этих палатах. Направить же больного в эту больницу может только «Скорая помощь» или районная поликлиника.

ТУРБОТА
Про німців
В УКРАЇНІ

Проект
"Уходящее поколение"

TREFFPUNKT МЕСТО ВСТРЕЧИ
DIALOG: ДИАЛОГ

Програма підтримки Фонду EVZ
STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

зарабатывал, дал детям высшее образование. Обе семьи жили в Ростове-на-Дону и приняли революцию.

Папа окончил Ленинградский дорожный институт, мама—экономический техникум. Потом папа работал в Симферополе начальником управления, мама — экономистом. У нас часто собирались друзья, спорили, пели, танцевали, угощались. Все кончилось 15 декабря 1937 года. Ночью я проснулась от чужих голосов: несколько человек в военной форме описывали имущество, листали, допрашивали отца. Когда его уводили, он сказал: «Клавочка, я скоро вернусь, я ни в чем не виноват», поцеловал нас и ушел ... навсегда.

Вечно пьяная соседка Буренчиха потом орала на весь двор, что мы — семья «врага народа», вчерашние друзья, увидев нас, переходили на другую сторону улицы. И только Галя и Миша Штыкины поддерживали и помогали нам. Много лет спустя я поняла, что в тот черный 1937-й нужно было быть очень смелым, чтобы оставаться человеком.

В нашу большую комнату подселели сотрудника НКВД, который въехал с огромной овчаркой, мы — ютились в маленькой и проходной. Когда он уходил на службу, мама — на работу, я с этим псом играла, но приходил его хозяин и кричал «Алим-фас». Огромный пес бросался на нас, мы с мамой забивались за кровать и плакали, а этот садист злобно хохотал.

Так жить нельзя было, и мама написала Калинину, что, если «сын за отца не отвечает», как сказал Сталин, почему можно издеваться над ребенком? «Всесоюзный староста» «помог» —на окраине города нам дали каморку без кухни, туалета, отопления и воды. И мама отправила меня к своей сестре в Ростов, а сама осталась, чтобы узнать о судьбе папы. Через 3,5 месяца после его ареста следователь, в котором оставалось что-то человеческое, сказал маме: «Вы молодая красивая женщина, мне жаль вас, устраивайте личную жизнь, больше ничего не скажу, чтобы самому не пострадать». И мама поняла, что папы нет в живых.

Только в 39-м мы узнали, что на отца донес сослуживец — крымский татарин, считая, что начальником управления должен быть он как «местный кадр». А папа, по его словам, — грек, греческий шпион и организатор вредительства на строительстве дорог. В НКВД папу зверски пытали, но он не оговорил ни себя, ни товарищей, не выдержал истязаний, выбросился с 4-го этажа и погиб. Его реабилитировали после смерти Сталина.

После конфискации имущества нам оставили 6 стульев и швейную машинку «Зингер». Мама все требовала вернуть квартиру, и начали вызывать в НКВД. «Зингер» выпускали в США, но следователь, считая ее немецкой, допытывался, откуда у мамы немецкая машинка. Хорошо, что человек, у которого папа ее купил, подтвердил, что машинка была у него еще до революции, а то маму, чего доброго, могли арестовать как немецкую шпионку. Эти стулья и эта машинка до сих пор у моей дочери как память о моих родителях и их страшной судьбе.

В 39-м году мама вышла замуж за человека, которого не испугало клеймо «вдова врага народа», через год у меня появился братик Саша. 21 июня 41-го года мы приехали к родственникам в Ростов, назавтра началась война, отчима по болезни в армию не взяли и мы, считая, что немцы не придут в Крым, вернулись домой. А в октябре они вошли Симферополь. почти без боя вошли гитлеровцы. Во время захвата Крыма в плен к ним попали сотни тысяч красноармейцев, и каждый день мимо нашего дома гнали колонны пленных красноармейцев, окровавленных, босых, полураздетых, голодных. Женщины пытались сунуть им еду и одежду. Я с подружками подбирала на полях небурные картошку, бураки, морковь, все это мы варили и тоже передавали пленным. А в городе появились евреи с шестиконечной звездой на груди или спине, и тех, кто не носил ее, расстреливали.

Я прожила счастливую жизнь

Однажды прибежала соседка и закричала, что отчима с братиком на руках немцы куда-то ведут. Мама догнала колонну, спросила охрану, за что забрали ее мужа и сына, и немец ткнул в них пальцем: «Юде». Оказалось, что мать отчима — еврейка, в юности влюбилась в красавца-актера и, чтобы его родители согласились на их брак, вынуждена была принять христианство. Для немцев же она оставалась еврейкой и, когда одна женщина донесла им, что отчим еврей, его схватили. Мама с трудом уговорила немцев отпустить мужа и сына, уверяя их, что женщина оговорила его исключительно потому, что он не женился на ней, и его отпустили.

До войны Крым был многонационален, и далеко не все задумывались, какой национальности сосед, знакомый, сослуживец. Наши соседи Поеровские и их шестеро детей жили очень скромно, но когда я заходила к ним, всегда меня чем-нибудь угощали. Поеровских забрали в гетто, откуда их старшая дочь иногда как-то выходила и приходила к нам. И теперь уже моя мама старалась накормить ее и передать еду в гетто.

У меня была близкая подруга Жанна, еврейка, дочь известного врача. Когда отца забрали в гетто, ее мама — актриса местного театра со сценической фамилией Орлова, спасая Жанну, пошла в комендатуру, сказала, что она русская и готова взять на постой двух немцев. Ее долго не трогали, но кто-то донес, и немцы-постояльцы предупредили, что придут гестаповцы. Ночью Жанна прибежала к нам, а Орлову расстреляли. Несколько месяцев Жанна жила у нас, потом Буренчиха, которая обзывала когда-то маму «женой врага народа», донесла. К нам пришли полицаи, увидели еврейскую девочку, но почему-то не забрали ее, а вернулись за ней вечером. Мама успела отправить Жанну в село к знакомой молочнице, а полиция сказала, что это подруга дочери заходила в гости. В селе Жанна жила в безопасности, но за несколько недель до изгнания немцев уговорила молочницу взять ее на базар, где бывший сосед девочки узнал ее, с криком «еще одну жидовку поймал!» потащил в полицию, и больше Жанну никто не видел.

Через месяц после ухода от нас Жанны ночью к нам постучал худой, замерзший, очень голодный мальчик лет 14. Его звали Леней. Он рассказал, что его зовут Леня и он был с мамой в Евпаторийском гетто, а когда их перед расстрелом поставили возле рва, мама с первым выстрелом столкнула его в ров, а потом, уже мертвая, упала на него. Вечером Леня вылез из рва и добрался до Симферополя. Мы выкупили его, накормили, переодели, мама предложила ему остаться у нас, но Леня сказал, что будет пробираться к партизанам или попробует перейти линию фронта. Мама собрала ему еду в дорогу, отчим посоветовал выдавать себя за караима, которых немцы не трогали. На рассвете Леня ушел, и это спасло его и нас, так как все та же Буренчиха видела, как ночью он стучался к нам и сообщила в полицию, но она явилась через час после того, как он ушел.

После этого случая мама решила, что нужно уезжать в село, где нас никто не знает, и получила на то разрешение в полиции. Но маму предупредили, что если мы уедем после указанной в бумаге даты, будут неприятности. За несколько дней до отъезда случилась у нас дома семейная сцена, громкая и серьезная, после которой отчиму не оставалось ничего другого, как собрать свои вещи и уйти из нашей жизни. И он ушел на много лет...

А мы в тот же день уехали в большое село Нижняя Ивановка, где маму знали и уважали и где жила с мужем и братом мамина знакомая Наташа. У них был большой дом, в котором нам выделили хорошую комнату. К сожалению, фамилию Наташи я не запомнила, но благодарность к ней и ее семье сохранила на всю жизнь.

Село было «партизанским», многие жители, в том числе Наташа с мужем и братом, были связаны с партизанами, на чердаке нашего дома прятали сына командира отряда. И получалось так, что днем в село с гор спускались немцы, а ночью с других гор приходили партизаны.

Возле нашего дома выкопали глубокую яму, перекрыли ее досками, устроили узкий лаз и все это замаскировали землей. Когда появлялись немцы, сын командира, я и братик Сашенька прятались там. Ему было всего два годика, но он понимал, что нужно сидеть очень тихо.

Мама отдала партизанам самую нашу главную «ценность» — большую эмалированную выварку, в которой удобно было готовить еду для многих человек, шила им из одеял теплые куртки. А я часто ходила в город и проносила листовки, которые прятала в туфли под стельки.

Немцы прознали, что в селе прячут сына командира партизанского отряда, и начали приезжать день через день. Они собирали всех жителей в круг, ставили пулемет, стреляли поверх голов и угрожали, что, если им не выдадут мальчика, они начнут стрелять по людям. Но никто из сельчан на такую подлость не пошел, и командир, поняв, что однажды немцы свои угрозы выполнят, перевез сына и спрятал в городе. Однако фашисты узнали об этом и сожгли село. Но, слава Б-гу, жители не пострадали. А нам пришлось возвращаться в город. Квартира наша была занята, и мы поселились в сарае.

Среди немцев были изверги, об этом и говорить нечего. Но справедливости ради нужно отметить, что случались среди них и нормальные люди. Помню одного немецкого солдата, которому очень понравился наш Саша. Он начал часто заходить к нам во двор, приносит ему конфеты, печенье. Наверное, у него в Германии остались маленькие дети. Помню и немца-повара из соседних казарм, который приглашал меня мыть пол на кухне. Это была легкая работа, но за нее он всегда накладывал мне полную большую кастрюлю каши и целую миску варенья, которое было для нас тогда редким деликатесом. Однажды на кухне появились русские повара, и крестьяне из соседних сел начали привозить молоко. Немец закрывал глаза на то, что и мне наливают молоко в трехлитровую банку.

А я этим ребятам передавала партизанские листовки.

После войны командир партизанского отряда нашел маму и предложил выдать ей справку о том, что она сделала очень много для отряда, но мама сказала, что выполняла долг советского человека и отказалась. Тогда никто еще не думал о льготах и наградах.

Когда вернулись наши войска, казалось, что все страшное уже позади. Но в одну проклятую ночь энкаведэшники вывезли из Крыма всех татар — стариков, инвалидов, женщин, детей. Говорили, что они были пособниками немцев, но в числе репрессированных оказались и настоящие патриоты, и вчерашние партизаны, и семьи фронтовиков. Мама испугалась, что опять будут искать «врагов народа», и решила уехать в Ростов, тем более, что появился отчим, который несколько раз пытался выдать братика.

В Ростове жить было очень тяжело. Во время войны он дважды переходил из рук в руки, был сильно разрушен, жители голодали. Но тут нам пришло письмо из Одессы от семьи Штыкиных, тех друзей отца, которые единственные поддерживали нас в проклятом 37-м. Когда мама написала им о нашей жизни, Миша, бывший в то время командиром погранотряда, сразу приехал и забрал нас. Так мы стали одесситами.

После сильно разрушенного Ростова Одесса казалась нам почти не тронутой войной, но и здесь жизнь была очень нелегкая. Для того чтобы не голодать, в свободное от школы время мне довелось торговать на Новом базаре, где я продавала и пирожки, и перец, и керосин, и бензин. Потом вообще пришлось перейти в вечернюю школу и начать работать в конторе кинопроката, где и встретила будущего мужа, с которым мы прожили 60 лет. И он стал для меня любимым, другом, опорой, отцом нашей замечательной дочери.

Мое детство разрушили сталинские палачи, юность опалили фашисты, молодость прошла в послевоенной разрухе. Но я считаю, что помогала людям и прожила счастливую жизнь.

Ангелина Хин

В то время в Одессе было очень плохо с водой. Ее качали из Днестра за шестьдесят километров. Водоканал на Днестре едва дышала. Ее много раз обстреливали разные банды. Город все время висел на волоске, — ничего не стоило оставить его совсем без воды.

Вода в трубах бывала, да и то не всегда, только в самых низких по отношению к морю кварталах города. В эти счастливые кварталы тянулись с рассвета до позднего вечера вереницы людей со всей Одессы с ведрами, кувшинами и чайниками.

Лишь немногие счастливицы — владельцы тележек — приезжали за водой с бочонками. Им завидовали и заодно их ненавидели, несмотря на то, что они сами впрягались в тележки и на них жалко было смотреть, когда они, задыхаясь, втаскивали свои тележки на подъемы или мчались, испуганные, за этими же тележками на крутых спусках, расплескивая половину воды.

Мы ходили за водой по очереди километра за два на Успенскую улицу. На этой улице я знал все подвалы, где были краны, и мог их найти с завязанными глазами.

В очередях за водой мы узнавали все последние новости и слухи и встречались с завсегдатаями этих очередей, как со старыми и добрыми друзьями.

Поэтесса Вера Инбер жила недалеко от нас, в тенистом Обсерваторном переулке. Она ходила за водой с большой стеклянной вазой для цветов. Ваза была сделана из матового разноцветного стекла, и на ней были выпуклые изображения лиловых ирисов.

Однажды хрупкая и маленькая Инбер поскользнулась и разбила вазу. Но на следующий день она пришла с такой же точно вазой. Я просто из сострадания донес ей эту вазу с водой до дому. Инбер так боялась, что я уроню и разобью эту последнюю вазу, что я устал от ее боязни и у меня начали дрожать ноги. Таская воду, я, конечно, смотрел себе под ноги и потому изучил все тротуары и мостовые между Черноморской улицей и Успенской.

Я убедился, что это — заманчивое и даже в некотором отношении полезное занятие. На тротуарах и мостовых можно было заметить много мелких примет. Они давали повод для размышлений и выводов. Были приметы приятные, безразличные и неприятные.

Особенно неприятными, почти зловещими и чаще всего попадавшимися приметам были капли, а то и целые лужицы крови и гильзы от маузеров. Они кисло пахли пороховым. Неприятны были также пустые кошельки и порванные документы. Но они попадались редко.

Приятных примет было меньше, но они были разнообразнее. Чаще всего это были вещи совершенно неожиданные: засохшие цветы из букета, осколки хрустала, сухие клешни крабов, обертки от египетских сигарет, банты, потерянные маленькими девочками, заржавленные рыболовные крючки. Все это говорило о мирной жизни. К приятным приметам относилась, конечно, и трава, проросшая кое-где между плитами тротуара. И невзрачные цветы, правда, уже высохшие, так же, как и перемытые дождем морские голыши в цементных водостоках.

Больше всего было безразличных примет: пуговиц, медных денег, булавок и окурков. На них никто не обращал внимания.

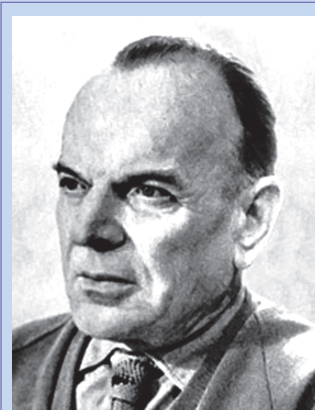
Мне нравилось стоять в длинных очередях. Жизнь каждой очереди была хотя и короткой, но увлекательной. Очередь жила головоломными слухами, анекдотами, внезапно возникавшей паникой, насмешливым обсуждением высказанной кем-нибудь житейской мудрости и, конечно, скандалами. Они взрывались внезапно, как фугасные снаряды, но затихали медленно — так же, как рассеивается пыль после взрыва.

Драки случались редко и носили безопасный характер взаимного толкания в грудь растопыренной пятерней.

В одесской очереди я видел удивительную сцену. По скупости слов и выразительности жеста она представляется мне образцом уличных скандалов.

В очереди стоял кроткий старец-еврей в длинном, до пят, потертом черном пальто и пыльном котелке. Улыбаясь и покачивая головой, он добродушно рассматривал очередь через необыкновенно толстые очки. Время от времени он вынимал из кармана пальто маленькую книгу с выдавленным на черном переплете золотым щитом Давида, прочитывал одну или две страницы и снова прятал книгу в карман.

К 120-летию со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского

К. Паустовский

Одесситы любят читать о своем городе — есть такая слабость, благо «количество рассказов и стихов <...> об Одессе неисчислимо», как справедливо утверждал Константин Паустовский. Он и сам приложил к этому благодатному делу перо и сердце — одесская тема прошла через все его творчество от юношески восторженного стихотворения «У Ланжерона прибой пели» до сверкающей гранями зрелого таланта повести «Время больших ожиданий», фрагменты которой предлагаются вниманию читателей.

Это был, конечно, ученый, может быть, даже цадик, старый философ с Портофранковской улицы. Все злоключения жизни не могли смутить его ясный дух, его расположения к людям и погасить улыбку в его голубоватых детских глазах.

Около очереди вертелся и приглядывался к ней развязного вида молодой человек в маленькой кепке с пуговкой. На ногах у него сверкали растоптанные туфли канареечного цвета.

Кожаная обувь была в то время большой редкостью. Все ходили в деревняшках. Весь город наполнялся их дробным стуком. По утрам, когда одесситы бежали на службу, стук учащался, и если закрыть глаза, то можно было подумать, что все население Одессы разыгрывает на кастаньетах скачущий танец. Поэтому канареечные туфли развязного молодого человека вызвали в очереди тихую зависть. Она выражалась в восхищенных взглядах и вздохах.

Молодой человек соображал, как бы незаметнее и без скандала втереться в очередь. Наконец он увидел старика с книгой. Старик этот, естественно, показался ему воплощением кротости и непротивления злу. Тогда молодой человек решил. Он ловко просунул плечо между стариком и его соседом по очереди, деликатно отжал старика назад, стал перед ним и небрежно сказал:

— Я извиняюсь!

Старик, все так же кротко улыбаясь, согнул руку, немного отвел в сторону свой маленький острый локоток, примерился и вдруг стремительно и сильно ударил этим локотком молодого человека в грудь под самую «душу». При этом старик сказал совершенно спокойно, как бы внося поправку:

— Нет, это я извиняюсь!

Молодой человек икнул, отлетел и ударился спиной об акацию. Кепка упала у него с головы. Он подобрал ее и пошел, не оглядываясь, к перекрестку. Только на перекрестке он, наконец, обернулся, погрозил старику кулаком и сказал, всхлипывая:

— Каторжанин! Старый бандит!

Очередь молчала. Коллективная мысль, захваченная врасплох этим событием, еще не оформилась и не получила ясного выражения. А старик вытащил из кармана книгу и углубился в нее, выискивая, очевидно, какую-нибудь истину, пригодную для обсуждения с приятелями-стариками в тихих дворах Портофранковской улицы.

За две недели, что остались до начала моей работы в «Моряке», случилось несколько событий. Самое печальное из них — смерть сестры Торелли.

Ее звали Рахилью. Она заболела новой в то время болезнью — «испанкой». Это был жесточайший грипп с осложнениями.

Торелли перестал ходить в Опродкомгуб. Он сам ухаживал за сестрой, как санитар. Мы с Володей часто заходили проводить Рахиль, хотя Торелли каждый раз пугался и пытался выгнать нас, боясь, что мы заразимся.

Володя Головчинер достал где-то кусок старого глицеринового мыла и подарил его Рахили. Несмотря на жар и слабость, Рахиль всплеснула руками от радости и так покраснела, что веснушки на ее лице превратились в бледные пятнышки.

Не только Рахиль, но и мы рассматривали на просвет кусок этого чудесного мыла. Оно поблескивало золотистыми слоями и издавало тончайший, хотя и несколько усохший запах.

Однажды Торелли надо было пойти в город, некоего было оставить с Рахилью, и он попросил меня посидеть с ней, но только держаться у самой двери.

Я к тому времени уже ушел из Опродкомгуба и потому весь день был свободен.

Рахиль лежала с закрытыми глазами и улыбалась. Кусок глицеринового мыла она положила себе на грудь и сжимала его сильными пальцами скрипачки. Рахиль училась играть на скрипке у одесской музыкальной знаменитости — Наума Токаря.

«Знаменитость» прекрасно «ставила руку» своим ученикам и «делала им пальцы», но была человеком практическим и лишенным возвышенности.

«Как вы играете эту вещь! — кричал Токарь какому-нибудь ученику. — Где мягкость? Где файность? Где сладость? Представьте себе, что ваша мама Розалия Иосифовна сварила свое знаменитое варенье из черешен и вы ожидаете, что сейчас будете его кушать. У вас даже текут слюнки. Вот как надо играть эту вещь! Предвкушая! Предвкушая! Предвкушая!»

При этом маэстро сердито отбивал такт ногой.

Рахиль редко упоминала о своей скрипичной игре.

Сейчас она открыла воспаленные глаза и сказала мне:

— Не говорите ничего Абраму, но я знаю, что скоро умру. И он похоронит меня на еврейском кладбище, где лежат отец, мама и брат Аркаша. Оно очень скучное, это кладбище. Ради Бога, не уверяйте меня, что я поправлюсь, что щеки у меня сделаются красными, как помидоры, и я еще, может быть, выйду замуж за кудрявого молодого человека в рубашке «апаш» и с серебряной цепкой от часов. Все это я уже сто раз слышала от Абрама. А вы лучше скажите мне, где остров Майорка.

— Зачем это вам?

— Нам читали лекцию про Шопена и сказали, что он там жил. Но потом я ни разу и не вспомнила про этот остров, а сегодня почему-то увидела его во сне. Там с холмов стекают мелкие-мелкие речки с очень чистой и теплой водой и такие широкие, как отсюда до Карантина. Они текут по зеленой траве, но над травой выше воды стоят всякие цветы и все время качаются от течения. Я шла через эти реки босиком, и мне было так приятно, что под ногами мягкая трава.

Рахиль открыла глаза, повернула голову и посмотрела за окно. Над акациями неслись по небу белые ядра маленьких облаков. Было похоже, что невидимые корабли выбрасывали их из старинных бронзовых пушек.

— Здесь, в Одессе, — сказал я Рахили, — живет сейчас поэт Георгий Шенгели. Еще во время войны я слышал в Москве, как он читал свои стихи на одном вечере. Я запомнил из них всего три строчки: «Есть острова, далекие, как сон, и нежные, как тихий голос альта, — Майорка, Минорка, Родос и Мальта...» Дальше я не помню. А Шопен действительно жил на Майорке с Жорж Санд. В заброшенном монастыре. Шопен тогда уже был смертельно болен, и потому его раздражало слишком яркое солнце этого испанского острова.

Я замолчал.

— А дальше? — спросила Рахиль и, не дожидаясь моего ответа, жалобно сказала: — Зачем я только родилась в этой семье, где рано или поздно у всех отнимаются ноги? Рыжая уродка! А разве такой я хотела быть? Мне бы качаться на палубе, чтобы ветер хватал меня за колени. Мне бы хохотать и петь. Вам не противно, что я так говорю? Я бы вам и сейчас спела, но грудь у меня стянута, как свивальником.

Она замолчала, перебирая в руках кусок глицеринового мыла.

— Сделайте мне одолжение, — тихо попросила она, — пока нет Абрама. Налейте вон в то блюдечко воды, возьмите ее этим мылом, а на комодке стоит сухой букет. Достаньте из него пустую соломинку и дайте все это мне. Я сделал, как просила Рахиль. Она расщепила кончик соломинки, окунула соломинку в мыльную воду и медленно выдула большой мыльный пузырь. Он оторвался от соломинки, чуть взлетел к потолку и остановился в воздухе, в немного пыльном солнечном луче, переливаясь бледным радужным блеском.

Рахиль прикрыла рот рукой, чтобы не потревожить своим дыханием легкий шар. Я тоже старался почти не дышать.

— Сейчас он золоченый, — сказала Рахиль. — А только что он был красный, как пожар.

Она осторожно пустила второй пузырь, третий, четвертый... Я тоже взял соломинку, начал выдувать пузыри, и вскоре вся комната замерцала от их мимолетных красок и блеска.

Часть пузырей опускалась на пол и лопалась, но большинство их играло с солнцем, летая по комнате и соединяясь иногда в разноцветные созвездия.

Внизу громыхнула на пружине парадная дверь. Дом слегка затрясся. Все пузыри сразу лопнули. На пол посыпалась мельчайшая водяная пыль.

— Спрячьте все! — быстро сказала Рахиль и закрыла глаза. — Я устала и хочу спать. Я ее никогда не увижу, никогда.

— Кого? — спросил я.

— Да эту Майорку. Идите. Спасибо вам. Мне что-то плохо.

В дверях я столкнулся с Торелли. Он узнал, что сестра засыпает, и на цыпочках вернулся в кухню, чтобы вскипятить воду.

А вечером он пришел к нам в дворницкую, сел на порог и неожиданно заплакал.

И мы узнали, что Рахиль умерла внезапно, должно быть, от разрыва сердца.

Торелли плакал, не вытирая слез, глядя на нас круглыми красными глазами, и сморкался в рваную наволочку.

Я нашел в книжном шкафу у Швиттау наполовину высохший пузырек с валерьянкой. Она почти не пахла. Я накапал ее в банку от консервов (она заменяла мне в то время стакан), сел на порог рядом с Торелли и дал ему выпить.

Он покорно выпил ее, потом упал головой на руки, и плечи его затряслись. Он со свистом втягивал воздух, прижимал к глазам наволочку и прерывающимся шепотом извинялся за беспокойство и за то, что закапал своими слезами мои пыльные рваные брюки из коричневого вельвета.

Врач, установивший смерть, сказал, что если бы не "испанка", то Рахиль могла бы выжить. Торелли рассказал, что она только сильно вскрикнула и сразу же перестала дышать.

Я дописывал "Романтиков", когда однажды вечером ко мне вошел худой и несколько вертлявый юноша и назвал себя выпускающим будущей газеты "Моряк" Исааком Лившицем.

— Только не "ф", а "в", — сказал он. — Не Лифшиц, а Лившиц. Просят не смешивать с Яковом Лифшицем.

— Вы его не любите? — спросил я.

— Нет, почему же, — ответил Лившиц. (С первого же дня знакомства я начал звать его, как и все, Изей.) — Но он недолго проживет в наше время.

— Почему?

— В нем мало юмора.

Изей принес мне записку от Иванова с просьбой прийти завтра в редакцию "Моряка" — пора было готовиться к работе.

С Изей пришел высокий и неправдоподобно худой человек в обмотках, с профилем менестреля и прядью красивых каштановых волос, свисавшей на лоб. Он подал мне широкую дружелюбную руку и щелкнул по военному каблукам. Потом он подошел к шкафу с профессорской энциклопедией, вынул первый том, перелистал его и выбрал все листки папиросной бумаги, которыми в книге были переложены цветные рисунки и карты.

— Эдя! — предостерегающе сказал Изей, но человек с профилем менестреля даже не взглянул на него. Он вынул второй том энциклопедии и вытащил из него всю папиросную бумагу.

— Вот теперь покурим! — сказал он с удовольствием.

— Эдя, это некрасиво, — заметил Изей.

Высокий человек молча оторвал от папиросной бумаги короткую полоску, как-то особенно ловко зажал ее между пальцами, поднес ко рту, и вдруг в дворницкой раздались тоненькая, как колокольчик, но вместе с тем громоздно-звонкая трель какой-то безусловно трогательной птицы.

— А это, по-вашему, красиво или некрасиво? — спросил высокий человек.

Это было необыкновенно. Я слышал, как в крошечном и горячем горле этой птицы пересыпался поющий бисер.

— Простите, — вдруг спохватился Изей, — я забыл познакомить вас. Это наш одесский поэт и птицелов Эдуард Багрицкий.

— Вы, как всегда, напутали, Изей, — сказал нарочито хриплым басом Багрицкий. — Следует произносить: "Багратион-Багрицкий, последний потомок княжеского кавказско-польского рода из иудейского колена Дзюба". Пошли купаться на Ланжерон!

В "Моряке" было два фельетониста: бойкий одесский поэт Ядов ("Боцман Яков") и прозаик Василий Регинин.

Ядов, присев на самый кончик стула в редакции, торопливо и без помарок писал свои смешные песенки. На следующий день эти песенки уже знала вся Одесса, а через месяц-два они иной раз доходили даже и до Москвы.

Ядов был по натуре человеком уступчивым и уязвимым. Жить ему было бы трудно, если бы не любовь к нему из-за его песенок всей портовой и окраинной Одессы.

За эту популярность Ядова ценили редакторы газет, директора разных кабаре и эстрадные певцы. Ядов охотно писал для них песенки буквально за гроши.

Внешне он тоже почти не отличался от портовых людей. Он всегда носил линялую синюю робу, ходил без кепки, с махоркой, насыпанной прямо в карманы широких брюк. Только очень подвижным и грустно-веселым лицом он напоминал пожилого комического актера.

Ядов в Одессе был не один.

Жил в Одессе еще талантливый поэт, знаток местного фольклора Мирон Ямпольский.

Самой известной песенкой Ямпольского была, конечно, "Свадьба Шнеерсона":

Ужасно шумно в доме Шнеерсона...

Она обошла весь юг. В ней было много выразительных мест, вроде неожиданного прихода на свадьбу Шнеерсона (под гром чванливого марша) всех домовых властей:

Сам преддомком Абраша Дер-Молочник

Вошел со свитою, ну прямо словно царь!

За ним Вайншток — его помощник,

И Хаим Качес — секретарь.

Песенку о свадьбе Шнеерсона, равно как и продолжение ее — "Недолго длилось счастье Шнеерсона", — мог написать только природный одессит и знаток украинного фольклора.

Но и на базаре попадались хорошие люди. Все это были чудачки или люди с изломанной, пустой жизнью, но здесь они казались образцами человечности.

Помню подслеповатого старика.

Он торговал фотографиями для стереоскопа. Его постоянно окружали дети. Весь день он бесплатно показывал им виды Парижа и Рима, Москвы и острова Мадейра. Совершенно невозможно было понять, чем он живет. В то время ни единая живая душа (кроме Изиды Лившица) не покупала фотографий для стереоскопа. Да и Изиды покупал их только из жалости к этому старику.

Рядом с этим стариком стоял на мостовой выцветший, пыльный глобус. За пятьдесят рублей каждый желающий мог повертеть этот глобус и поискать на нем разные заманчивые страны и города, вроде острова Пасхи, реки Замбези или города Каракаса.

Невдалеке от этого старика поместился гадалщик-графолог.

Гадал он по почерку. Весь день он сидел на скамейке и изучал в огромную лупу письма и конверты.

Гадал он сердито, выговаривая гадающим, и даже кричал на них. Но, несмотря на это, клиенты его любили, особенно женщины.

А кричал он вещи удивительные.

— Я же вам три раза уже нагадал, гражданочка, — кричал он заморенной женщине, — чтобы вы бросили этого вашего сожителя, если не хотите попасть вместе с ним в арестантские роты.

— Оно и верно, надо бы бросить, — неуверенно соглашалась женщина.

— Бросай, Верка! Видишь же, человек тебе желает добра, — уговаривали ее подруги.

— Выходит, — обиженно кричал гадалщик, — что я, как паразит, деньги с вас высасываю и получаю каждый раз по триста рублей. А все через вашу нерешительность! Это что за безобразия! Раз не хотите меня слушать, так и не ходите до меня. Я вам больше гадать не буду. Хватит!

В другой раз он кричал:

— Судя по начертанию букв, очень много об себе понимаете, отрок. Ходите таким фон-бароном и фон-трезноном. А правильное соответствие жизни достигается только путем науки и терпения, а не нахальства и гавканья. Я давно замечаю, что вы все крутитесь в компании с Витькой "Десятка треф", вместо того чтобы честно работать и радовать престарелых родителей.

Но самым трогательным оказался старый торговец кепками Зусман, державший на задворках базара крошечную лавчонку с вывеской "Варшавские кепки".

Он весь день сидел в лавочке вместе с подручным — унылым, болезненным мальчиком Милей. Мальчик спал, похрапывая, а старик, нацепив очки, медленно читал газету, вздыхал и недовольно поглядывал на редких покупателей.

Мы как-то зашли к нему в кепочную вместе с Яшей Лифшицем.

— Зачем вам новая кепка? — сердито спросил Зусман Яшу. — У вас же еще вполне приличная.

— Это уж мое дело! — так же сердито ответил Яша.

— Привыкли разбрасываться кепками? — иронически спросил Зусман. — Ваше дело! Миля, дай этому товарищу какую-нибудь кепочку. А мне надо зайти до соседа.

Он ушел. Яша, посапывая от гнева на странного продавца, начал примерять кепки. Миля держал перед ним зеркало и два раза чуть не уронил его, засыпая.

Яша колебался. Он надел коричневую кепку и спросил меня, идет ли она ему.

Я не успел ответить. Вошел Зусман, мельком взглянул на Яшу и спросил:

— Миля, где же тот покупатель, который только что заходил до лавки?

— Так вот он, — уныло ответил Миля и показал на Яшу.

— Нет! — вскричал Зусман, отступил, всплеснул руками, и бородастое его лицо расплылось в счастливую улыбку. — Нет! Что ты выдумываешь, Миля! Это же передо мной стоит лорд в шотландской кепке, настоящий лорд Чемберлен. А тот покупатель был, извините, совершенно затрушенный и смахивал на босняка.

— Так это же он, — так же уныло подтвердил Миля. — Только он в новой кепке.

— Ай-ай-ай! — закричал Зусман. — Что может сделать с человеком такая дешевая кепка за сто тысяч рублей! Если она, конечно, сшита хорошим мастером! Она может сделать чудо!

Яша не выдержал и расхохотался. Зусман тоже хохотал до слез, довольный своей выдумкой, и дружески похлопал Яшу по плечу.

— Торговля с нас делает артистов, — говорил он сквозь смех. — Из меня бы вышел комик, честное слово! Будем знакомы. Приходите когда до меня поговорить, а то можно пропасть в этой пустой лавке. Я вам сошью такую летнюю кепку, что сам Ллойд-Джордж не имел и не будет иметь такой кепки никогда в жизни. Абы только достать хороший материал.

Все были очень довольны, а Миля снова уже сидел на табурете за прилавком, клевал носом и всхрапывал.

— Сами можете убедиться, — сказал со вздохом Зусман и кивнул на Милю, — какой у меня собеседник. Это же только сойти с ума и умереть!

Напоследок Одесса показала мне удивительное зрелище, вряд ли возможное в другом городе. Я говорю о похоронах знаменитого "Сашки-музыканта", так великолепно описанного Куприным в его "Гамбринусе".

В Одессе я привык перечитывать в газетах все, вплоть до объявлений. Никогда нельзя было знать, где встретятся перлы одесского стиля.

Я помню, как ошеломило меня одно похоронное объявление и своим содержанием, и своим умелым набором. Выглядело оно так:

Рухнул дуб

ХАИМ ВОЛЬФ СЕРЕБРЯНЫЙ

и осиротелые ветви

низко склоняются в тяжелой тоске.

Вывоз тела на 2-е еврейское кладбище

тогда-то и там-то.

Это было очень живописное объявление. Можно было довольно ясно представить себе этот "могучий дуб", этого биндюжника или портового грузчика — Хаима Серебряного, привыкшего завтракать каждый день фунтом сала, "жменей" маслин и полбутылкой водки. Но всех особенно умиляли эти "осиротелые ветви" — сыновья и дочери могучего Хаима.

Семен Юшкевич

Р а с с к а з ы

Начало в № 59

В великом смущении он остановил свою руку и спросил несчастного о причине этого запрета. "Я тебе скажу, — ответил тот. — Эти пчелы, что усеяли мое тело и вонзили в него жало, совершили свое дело и больше причинить страданий уже не могут. Если же ты, поддавшись доброте своей, отгонишь этих, то их тотчас же заменят новые, и тем удвоятся страдания мои. Поэтому, прошу тебя, оставь все, как есть, и предоставь меня моей судьбе". Вот что я хотел сказать тебе, Ципка. Понимаешь? Терпи свое наказание и не ищи друзей, чтобы избавили тебя от него. Так хочет Всевышний, а что Он хочет, то мудро и хорошо.

Слова Зейлига произвели заметное впечатление на Фейгу. Она присела, притихла и задумалась. Хаим с трудом сдерживал свой восторг.

— Да, да, Зейлиг, — заговорил он, — как вы это хорошо сказали. Это расходится по всем косточкам. Конечно, человек должен быть всегда человеком. Что же, разве мы богатство в землю возьмем с собой? Правда, мы имеем детей. Ну, что ж такое? Слава Богу, мы молоды и имеем великого Бога. Это я всегда думал и говорил. Но подите-ка уговорите мою Фейгу. Разве я хотел выгнать Иерохима? Он бы у меня до самой своей смерти работал. Но жены поссорились, и семья осталась без хлеба. Что я мог сделать? Когда жена убедит себя, что она всему голова, так тут никто не поможет. Конечно, я отказал Иерохиму, но никто не знал, как у меня сердце болело о том. Разве шутка: жена и восемь человек детей! Но я должен был молчать. Теперь же нельзя его так оставить, правда, Фейга?.. Нужно же ему помочь, Фейга! Но, конечно, по-человечески, а по-человечески не нужно и себя забывать. Что ты скажешь? Нет, я хочу узнать, что ты скажешь?.. У тебя ведь бывают иногда очень хорошие мысли.

— Что я скажу, — со вздохом отвечала Фейга, — что я могу сказать? Делай, как хочешь. Кричи, кричи, разве сможешь? Я хотела к лучшему. Если бы не ты помог, помог бы другой. Мало ли людей на свете? Но если ты хочешь так, пусть будет так. Я не хочу мешаться. Пчелой я тоже не хочу быть.

— Такие сердца, такие золотые сердца! — воскликнула Бейла, подавив свою злость и сложив руки перед собой. — Ну, Ципка, что ты скажешь про этих людей? Нужно было тебе ее ругать?

Она схватила Берку на руки и стала осыпать его ласками.

— Э, это все пустые дела, — еще раз заговорил Зейлиг, — женщины всегда найдут, о чем болтать. Я же говорю, что все это нужно уметь понять, и ничего больше. Не хватай, — удержал он Бейлу жестом, — все видят вещи и ничего — за ними. Задается загадка: на что Всевышнему нужен был слепой Иерохим? Зачем он такого бедняка обидел? И люди плачут, и люди горюют, а я говорю: не нужно плакать, ибо на всем лежит рука Того, Который живет вечно. Всем казалось, что глубже горя и быть не может, а это были только вещи и ничего больше. И что же делает Всевышний? Он говорит: "Ты, Иерохим, что имеешь восемь детей, голдных и оборванных, что имеешь жену, слабую и немощную, ты, Иерохим, испей чашу горечи до дна, ибо так хочу Я, Господь Бог твой". Он говорит: "Ты, Фейга, что имеешь дом в довольстве, что имеешь мужа здорового, детей сытых и обутых, приди в дом слепого Иерохима и отдели ему часть богатства твоего, ибо так хочу Я, Господь, Бог твой". И что невидимо хотел Всевышний в своей мудрости, все сие совершилось. Фейга пришла в дом слепого и поделится с ним богатством своим. А я говорю еще раз: это хорошо и мудро. Все, все хорошо, что

здесь ни делается. Все хорошо, все имеет великий смысл. А теперь...

Зейлиг не успел кончить из-за поднявшегося удверей шума. Он поднял глаза и замер. Все в комнате вскочили со своих мест, а Ципка, поняв наконец, заголосила. В комнате стояло лицо, которое через минуту все разглядели. То был судебный пристав.

— Приступаю к исполнению своих обязанностей, — начал он...

Хаим всплеснул руками и ухватился за Фейгу. А Ципка завопила надтреснутым, каким-то тоскующим голосом последнюю мольбу нищеты:

— Не пишите, не пишите, — задыхалась она, поспешно утирая пот, ручьями катившийся с ее лица. — Не надо, куда я пойду со своими детьми? Бог, Бог, пошли ты мне смерть!

Она металась по комнате, ловя руку пристава для поцелуя, падала на колени перед ним, — то непреклонная, то покорная.

— Не трогайте, не пишите, — упрямо повторяла она, — куда я пойду с детьми? У меня муж ослеп! Бог, Бог, да проси же! — крикнула она дрожащему Иерохиму. — О, калека проклятый, до чего ты нас довел. Вот, вот твои дети, на, бери их, берите их, берите все, душу мою возьмите!..

Иерохим, как стоял, так и опустился на колени. Странное впечатление производила эта фигура среди шума и гама, среди неряшливо набросанных вещей, безмолвная фигура, с протянутыми руками к кому-то с мольбой, с глазами, широко раскрытыми, с выражением мучительного недоумения на лице.

Ципка все еще металась — точно в горячке, всякий раз натакивалась на Иерохима, который при каждом толчке, стоя на коленях, переползал на другое место.

Зейлиг, как привстал, так и остался в согбенной позе. Полы его сюртука сползли вниз, но он не замечал этого, прижав обе руки к груди, он все смотрел в одну точку, изредка прислушиваясь к стенаниям Ципки, но больше думая о своем, о том, что думать над вещами, и губы его, казалось, шептали по-прежнему: все хорошо, все мудро.

Хаим, Бейла, дети и Фейга сбились в кучку, трепещущие и неподвижные.

А Ципка все еще, как ей казалось, кричала, но она давно уже говорила хриплым голосом:

— Не надо, не делайте, это все куплено... Бог, Бог, пошли смерть мне и моей семье! В дверях подозрительно безмолвствовала толпа.

ЛЕВКА ГЕМ

Война не прекращалась. Никто не знал, почему начали воевать, почему стало нужным, чтобы одна сотня тысяч людей убивала другую сотню тысяч людей; никто не понимал, что в том куске земли, из-за которого шла беспощадная борьба, — но война уже чувствовалась везде: и вверху, и внизу.

В городе готовились к непредвиденному, ужасному, беспощадному. Казалось легким и возможным, что через месяц, через неделю, завтра враг внезапно покажется у стен, ворвется в город, разрушит дома, уведет жен, девушек, мужчин перебьет, и не было в этом городе ни одной хижины, ни одного дворца, где бы о войне не говорили, где бы войну не проклинали, как самое тягчайшее, ненужное зло. Ежедневно, словно в эпидемию, десятки семей бежали куда глаза глядят, чтобы уйти от страха, оставшиеся с грустью и завистью глядели на опустевшие дома, и чем дальше, все страшнее и страшнее становилось наблюдать этот веселый и неумолимый большой город, который по-прежнему продолжал творить жизнь в своих богатых и бедных кварталах...

Народ стонал, страна стонала, но было нечто выше этих стонов страны, народа, нечто высшее, чем эти громадные толпы голодающих людей, убегающих людей, и это высшее, тайного смысла которого никто не знал, заставляло еще мириться с войной. Иногда напряженное состояние рассеивалось: приходило известие о подвиге, о геройстве офицера, солдата или солдат, и мрачные умилялись, и хмурые улыбаются... Тогда казалось, что кошмар вдруг сгинет и колеса обычной жизни тронутся, толкнутые радостью победы и отдыха. Оживал город, оживали окраины, и все думали: вот конец!

Но дни шли... Грозный мрак, нависший где-то злым пугалом, сгустился, приближался, — раскаты громов орудий делались слышнее, и горячий кровавый туман уже мелькал в глазах... Все его чувствовали, все оборачивались в одну сторону, и, мнилось, близко-близко складывались в гору навалившиеся друг на друга тела, лицом вниз к земле, груды оторванных рук, ног, а по ночам в скорбной тьме чудились стоны и мольбы людей. И снова шепотом все спрашивали: зачем это нужно, кому это нужно? И никто не знал ответа, и не было ответа...

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлиса

Батарейки для электронных наручных часов можно подзарядить и тем самым продлить срок их службы. Для этого нужно взять батарею на 1,5 в типа "Марс" или "Сатурн" и с помощью металлической скобы подключить к ней батарейку для часов "плюсом к плюсу" и "минусом к минусу". Продолжительность такой зарядки составляет 15 минут.

Если обувь со временем приобретает неприятный запах, его можно устранить несколькими способами.

1. Засыпьте в обувь обычную пищевую соду, через сутки вытряхните ее или удалите с помощью пылесоса. Такой способ подходит для светлой обуви — ботинок, сапог, кроссовок. На черной же кожаной обуви позже могут появиться белесые разводы.

2. Протрите обувь внутри перекисью водорода и сразу же пройдитесь по ней сухой щеткой или махровой салфеткой.

При вязании разных изделий постоянно приходится пользоваться сантиметровой лентой, что не всегда удобно и приводит к потере

времени. Этого можно избежать, если на одну вязальную спицу с помощью лака для ногтей нанести деления с интервалом в один сантиметр.

Если вязальные пластмассовые спицы в процессе долгого использования согнулись, их нужно опустить в кипяток, вынуть, выпрямить и тотчас подставить под струю холодной воды, чтобы пластмасса затвердела.

Пряжу после отпуска вязаного изделия можно выпрямить, не стирая ее. Для этого нужно намотать ее на прямоугольник, вырезанный из плотного картона или фанеры и сильно нагретым утюгом пропарить через мокрую тряпку. Через 10-15 минут, когда нитки просохнут, можно смотать их в клубок и приступить к вязанию.

При необходимости осветлить очень темные шерстяные нитки для вязания это можно сделать с помощью питьевой соды. Для этого нужно засыпать в кастрюлю с водой 1-2 столовые ложки соды, погрузить в нее предварительно смоченные водой нитки и кипятить 2-3 минуты. После этого вынуть нитки и несколько раз ополоснуть их холодной водой.

Если швейная машина "не берет" резину или тонкий пластик, нужно протереть свечой те места, по которым должны пройти стежки, и машина безотказно прошьет их.

Чтобы каждый раз не отпаривать и потом опять не пришивать белый воротничок к школьной форме, нужно пришить к ее вороту и к воротничку три маленькие кнопки — две по краям и одну в середине.

Если на чулке или колготках спустилась петля, можно остановить ее и закрепить, если в конце нанести каплю лака для волос.

Если раздвижные стекла книжного шкафа и др. начали заедать, нужно смазать нижнюю грань их вазелином.

Михаил Ландер

Черный лебедь

Впервые я увидел этих грациозных птиц еще восьмилетним мальчишкой. Как-то из Сухуми отец повез меня в Новый Афон показать древний храм. Нас, человек двадцать, посадили на выдавший виды старенький грузовичок с брезентовым тентом, в кузове которого стояли привинченные садовые скамейки. Громяхая всеми своими внутренностями и подпрыгивая на каждом ухабе, через два часа мы были у подножия горы Афон, где и расположен Симоно-Кананитский монастырь, именуемый Ново-Афонским. Бегло осмотрев трапезную, кельи и прекрасные фрески на стенах, мы вышли к двум большим прудам, где плавали белые и черные лебеди...

Я заворуженно смотрел на лебедей. Черные были крупнее белых, и их ярко-красный клюв в белом обрамлении казался неестественным. Это было удивительное зрелище — в каждом водоеме, не смешиваясь, грациозно попарно плавали величественные птицы. Казалось, они сейчас выпорхнут на берег и начнут танцевать, как в «Лебедином озере». Это видение меня долго не покидало. Уже будучи капитаном, проходя мимо золотых куполов Ново-Афонского монастыря, предо мною всплывала картинка с величавыми лебедями. Несколько раз еще мне довелось посетить этот храм. Туристы шли осматривать монастырь, а меня тянуло только к прудам, как в детскую сказку. Наверное, сменилось не одно поколение лебедей, но пруды были ухожены, и величавые птицы по-прежнему попарно грациозно плавали. После распада СССР и братоубийственной войны между Абхазией и Грузией монастырь пришел в упадок, а лебеди исчезли. Как там сейчас, не знаю, скудные сведения противоречивы.

Но в памяти сохранилась другая «лебединая» история. Летом далекого 1943 года, когда молох войны перемалывал новые и новые жертвы, моя флотская судьба забросила меня в маленький курортный городок на Черноморском побережье — Геленджик. Там формировался и тренировался ударный морской батальон для высадки под Новороссийском. Основным костяком были моряки из расформированных флотских соединений или погибших кораблей, людей уже опытных, понюхавших пороха, — минеры, торпедисты, комендоры, сигнальщики и другие флотские специалисты, которых надо долго готовить в

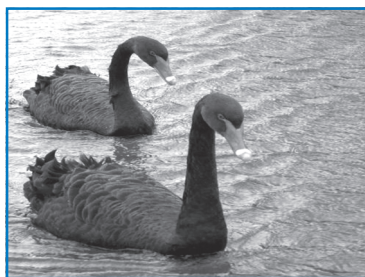
учебных отрядах, да еще тщательно отбирать. Но война диктовала свои условия и меняла профессии... Жили мы в сорокаместных брезентовых палатках. Рядом была школа, в которой разместилась медсанчасть, штабные комнаты и столовая, где нас кормили. Между палатками и школой был крохотный садик, а в нем маленький пруд, обрамленный булыжником. Там поставили несколько скамеек и назвали это курительным залом. Но времени для перекуров было катастрофически мало, и основной был перед сном. Благо окурки тушили, бросая в воду, — и удобно, и безопасно.

Однажды на рассвете мы проснулись от каких-то трубных звуков. Забежал дневальный и сообщил, что на пруд сели две большие птицы. Многие, зевая, пошли посмотреть, и я в том числе. Это были два черных лебедя, такие знакомые мне с детства. С этого дня никто больше окурков в пруд не бросал — кто-то притащил огромное ведро. Помкомвзвода Соловейчик вооружился огромным сачком и очистил пруд от окурков и веток, выстелил маленькую нишу соломой. Стали подкармливать лебедей, но из рук они ничего не брали, а вылавливали из воды только крошки хлеба или зерна. Матросы зачарованно глядели на лебедей, даже разговоры стихали. Почему-то их прозвали Саня и Маня, наверное, за неразлучность и верность.

Я, как не курящий, по флотской традиции, вместо курева получал маленькую плитку шоколада, но всегда участвовал в вечерней травле. Однажды вечером я рассказал десантникам про свою первую встречу с черными лебедями, про Ново-Афонский монастырь и души лебедей.

На другой вечер (давай, одессит, еще что-нибудь про лебедей) я рассказал сказку о лебедином озере, используя по памяти сюжет балета. Вокруг наступила непривычная тишина. Даже стоящий рядом Соловейчик, по детски разинув рот, забыл объявить «отбой». Все молча разошлись по своим койкам, и каждый думал свою думу.

Но в семье не без урода. Однажды в наш взвод прибыло пополнение из двух матросов, вернее, двух бывших курсантов. Как рассказал вездесущий Соловейчик, их отчислили из Каспийского училища за «тупые мозги», что в переводе означало за систематическую неуспеваемость. Что

они «тупые», мы убедились сразу. Ни одной флотской шутки, которые знает каждый «салага», они не понимали. Им сразу прилепили прозвища «Монгол» и «Битюг». Первому — за совершенно плоское лицо с узкими глазами, а второму — за манеру втягивать голову в плечи и смотреть исподлобья.

Оба рослые, плотного телосложения, но уж очень медлительные. На учениях старшина бил их лопаткой по задку и требовал «глубже вгрызаться в землю», но они упрямо застревали под первым рядом колючей проволоки. Зато они все время хотели есть и постоянно что-то жевали.

Как-то вечером старшина им сказал: «Учите: если вам прострелят зад — попадете под трибунал».

Они долго лупали глазами и не могли понять, за что.

Тут в разговор вмешались остряки и начали популярно объяснять, когда можно показывать зад врагу, а когда это карается законом. Пошел дождь, все разбежалось по палаткам, а лебеди спрятались в свой грот. Прошло несколько дней.

Однажды, далеко за полночь, прибежал дневальный с криком: «Хлопцы! Битюг с Монголом в каптерке Маньку жрут!» Все выбежали из палатки. На столе каптерки стояла бутылка с мутной жидкостью, кусок хлеба и обглоданные лебединые ножки. Как они умудрились это незаметно сделать — непонятно. Били их страшно, и обоих сразу, и по одному, пока на шум не ворвался старшина с пистолетом в руке.

Окровавленных Монгола и Битюга посадили на скамейку. «А ну, братва, разоидись», — сказал старшина и, заткнув пистолет за пояс, разлил остатки самогона в две кружки. Допейте свою сивуху, а нет — залью нахально, — сказал старшина и дал кружки в руки Битюгу и Монголу, — а этим закусите, — и сунул им под нос огромный кулак. А теперь вы, два придурка, запомните: вас никто не трогал, вы нажрались и подрались. Если вякнете не так, из первого боя не выйдете. А теперь всем разоидись». И старшина, поплевав на пальцы, погасил лампу.

Утром пришел особист и стал всех опрашивать. Но все упрямо твердили одно и то же: не видели, не знаем, не слышали. Что там особист записал в свою тетрадку — одному Б-гу известно, но вечером Битюга и Монгола уже в палатке не было. Их «лебединая песня» точно была спета.

Через день, вечером, в гроте обнаружили мертвого черного лебедя Саньку. Его опознали по белому хохолку. Он лежал, распластав крылья с вытянутой вперед шеей. В курилке стояла гробовая тишина, только Соловейчик, громко ругаясь, вытащил из грота тело птицы и пошел закапывать. В первых числах дождливого сентября нас погрузили на баржи и катера и мы отпростились навстречу своей судьбе. За кормой осталась Геленджик, а с ним и печальная, как и вся война, история с черными лебедями.

Эфраим Савела Солдатские штаны

Солдатские штаны. Цвета хаки. Или оливкового цвета. В зависимости от рода войск. С обилием карманов сзади и спереди. Заправленные в шерстяные носки и в высокие армейские ботинки, которые весят полпуда, особенно в такую жару, какая бывает на Ближнем Востоке.

Казалось бы, что поэтического и возвышенного может быть в солдатских штанах? Простите, но это для вас. А что касается меня... то, когда я вижу эти самые солдатские штаны цвета хаки или оливкового цвета, только что выстиранные и вывернутые наизнанку со швами наружу и множеством болтающихся карманов, вывешенные для просушки на балконе иерусалимского дома, мое сердце начинает биться учащенно.

Потому что это уже не штаны, а флаг, сообщающий всем окружающим балконам, что обладатель этих штанов, хозяин дома, благополучно вернулся из армии, жена, плача от счастья, выстирала их и гордо вывесила штанинами вверх и в разные стороны для всеобщего обозрения, как знак семейного торжества.

Когда кончилась война Судного дня и первые партии солдат хлынули домой с Голанских высот и Суэцкого канала, бородатые, просоленные и грязные, на многих балконах Иерусалима затрепетали на сухом ветерке солдатские штаны цвета хаки и оливкового цвета, с которых жены и матери, мешая слезы с мыльной пеной, отстирали песок пустынь и копать взрывчатки.

Свесившись с бельевых веревок, солдатские штаны словно кричали всей улице со своих балконов:

— В нашем доме полный порядок! Радуйтесь, люди добрые, вместе с нами! А на тех балконах, где не было видно солдатских штанов и сиротливо болтались пустые бельевые веревки, было траурно неуютно и одиноко. В те

дома или еще не вернулись, или уже никогда не вернуться мужчины.

Я помню старушку, сгорбленную, опершуюся на посох, сощурившую слезящиеся глаза на балконы с солдатскими штанами. Она пальцем считала каждую пару и бормотала, как молитву: — Слава Богу, слава Богу... Еще раз слава Богу. Господи наш, никого не обойди, вывесь на каждом балконе солдатские штаны.

Глядя на эту бабушку, я, к тому времени тоже демобилизованный и вывесивший свои выстиранные штаны на нашем балконе, вспомнил такую же старушку, что повстречалась нам в первый день войны, когда мы, резервисты, только что облачившиеся в военную форму, еще не опомнившиеся от неожиданности, мчались в реквизируемых для нужд армии пассажирских автобусах из Иерусалима на север, к Голанским высотам.

В нашем автобусе было человек пятьдесят солдат. Новенькое обмундирование еще мешковато и неудобно сидело на нас, каски сползали на глаза на всех неровностях дороги. Мы были взвинчены, день был сухой и жаркий, в горле пересохло, язык стал шершавым, как наждак. Мы мучительно хотели пить. Шофер автобуса не меньше остальных страдал от жажды, и хоть был строжайший приказ не останавливаясь мчаться к Голанам на помощь нашим отступающим частям, как только мы въехали в какой-то поселок, подрулил к маленькому магазину с бутылками кока-колы на вывеске и со скрежетом затормозил, распахнув и передние и задние двери. Пятьдесят солдат ворвались в эту крохотную лавочку. Вернее, там поместилось не больше десяти, остальные толпились снаружи, и им из рук в руки

передавали поверх касок запотевшие в холодильнике бутылки.

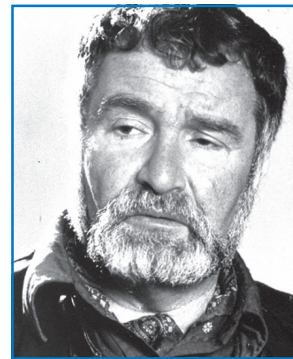
Хозяйка магазина, женщина лет под семьдесят, очень похожая на Голду Меир, суежилась у прилавка.

В считанные минуты мы опустошили весь магазин. Выпили все, что было возможно пить. Всю кока-колу, содовую воду, апельсиновый и грейпфрутовый соки. Тем, кому не хватило напитков, пришлось довольствоваться водой из крана.

Старушка отдала нам весь свой товар, все запасы. Магазин был крохотный, не из богатых, и все, что мы выпили, было единственным достоянием старенькой хозяйки.

Освежившись и ожив, мы полезли в карманы за деньгами.

— Сколько с нас, мамаша? Солдаты весело галдели, суя ей деньги. Задние с улицы передавали всевозможные бумажки, пригоршни мелочи. Хозяйка магазина подняла руку, как бы отстраняя деньги, и шум понемногу улегся. — Не надо платить, — тихо сказала старушка. — Я вас очень прошу. Заплатите потом... когда поедете назад... Только, будьте добры, вернитесь живыми... Ладно? Тогда и заплатите мне. Каюсь, я не уплатил за напитки и после войны. Никак не мог вспомнить, какой дорогой мы ехали на фронт, в каком поселке остановились попить. Но когда я увидел старушку с посохом, считавшую скрюченным пальцем солдатские штаны, вывешенные после стирки на иерусалимских балконах, я вспомнил и ту, что напоила нас в первый день войны, отдав все, что имела. И хоть у меня давно нет своей матери, как никогда прежде, я почувствовал, что еще не осиротел.

Одесские НОВОСТИ

Разработан проект полного восстановления и реставрации Александровской колонны в парке им. Т.Шевченко. Проведены работы по усилению фундамента и восстановлению его монолитности. Работы планируется завершить ко Дню города. 9 апреля 2012 года

Одесский городской Центр военно-патриотического воспитания ученической молодежи «Пост №1» провел торжественную линейку, посвященную открытию Почетной Вахты Памяти в 2012 году Почетными Караулами общеобразовательных учреждений города-героя Одессы. В 14.00 у памятника Неизвестному матросу на Аллее Славы выстроились 490 лучших учеников 33 школ города, которые будут нести Почетную Вахту Памяти в 2012 году.

1 апреля в саду скульптур Литературного музея открыт памятник Владимиру Высоцкому работы киевского скульптора Олега Черноиванова.

Музыкальной академии имени А.В. Неждановой присвоен статус национальной.

В Музее личных коллекций им. А.В.Блещунова (ул. Польская, 19) открылась выставки архивных материалов, произведений искусства из коллекции семьи Минкус-Нудельман. Материалы для экспозиции передал музею в 2004г. последний представитель этой семьи в Одессе Борис Адольфович Минкус. Выставка приурочена к 100-летию со дня рождения Александра Эммануиловича Нудельмана – академика Российской академии ракетных и артиллерийских наук и Академии космонавтики им. К.Э.Циолковского, доктора технических наук, Лауреата Ленинской и пяти Государственных премий СССР, кавалера многочисленных орденов, Почётного гражданина г. Одессы.

В Одесском художественном музее открылась выставка, посвященная 150-летию со дня рождения художника Леонида Пастернака. Представлены его работы из фондов музея, материалы из собрания коллекционера, краеведа и литератора Михаила Пойзнера.

Во Всемирном клубе одесситов (ул. Маразлиевская, 7) открылась выставка «Моя Одесса и другие члены Национального союза художников, мастер офорта Геннадия Гармидера.

В Петербурге прошел «9-й Смешной фестиваль и Одесская Юморина в Питере». Всемирный клуб одесситов был представлен директором Леонидом Рукманом, членом президентского совета Клуба Анатолием Горбатуком и потомком брата основателя Одессы адмирала де Рибаса журналистом Олегом де-Рибасом. Делегация привезла с собой камень из одесской мостовой, который будет заложен в основание будущего памятника де Рибасу в Петербурге.

Газета была маминым врагом — за утренним чаем, а иногда и за обедом папа разворачивал свежую газету, а мама ужасно обижалась и, когда была в хорошем настроении, просто ее вырывала. Она была сторонница силовых методов. Ольга Ивановна, сразу все понявшая, сказала: «Ну, Рунина мама не читает, а я читаю». Спорить не стала.

Да, так я говорила о папиросных коробках. Понятное дело, я тоже захотела их собирать. И папа подарил мне совершенно неинтересную, светло-коричневую, без единой картинку коробку «Шедевр». К моему изумлению, Жоржик пришел от нее в восторг. Оказывается, у них, у коллекционеров, ценилась именно эта гладкая без картинок коробка — может быть, потому, что их папы ее не покупали? Она была из-под дорогих папирос. Жоржик сказал, чтобы я вообще отдавала ему коробки, раз я не собираю. Какие-то коробочки я ему отдавала, но папа курил немного, а Жорж потом стал коллекционировать что-то другое — не помню, что.

Не помню никого из чужих детей, кроме хорошенькой Леночки, хозяйской внучки. Она была младше меня года на полтора или два, и помню я, в сущности, не ее, а ее платье — довольно длинное, рубашечкой, из двух частей: снизу розовое шелковое, а сверху прозрачное белое. И два розово-белых цветка — один у плеча, другой где-то на юбке. Вот как у меня написало: детей не помню. Дети были, но все они были мальчики — и притом, старшие мальчики, возраста Жоржика. Мне не с кем было играть, и я увязывалась за ними, а они не знали, как от меня избавиться. Пока кто-то из них — наверное, все-таки Жоржик! — не сообразил: предложил мне сесть под помидорный куст и сидеть, сидеть, и постепенно я стану помидорой.

Я поверила, села под помидорный куст, но из этого ничего, как вы понимаете, не вышло. Если не считать того, что лет через тридцать с лишним был напечатан мой первый рассказ — очень чувствительный — именно об этом событии. Он даже вошел в мою первую книжку.

Конечно, меня водили на пляж — иначе зачем было ехать на дачу? Пляж был не песчаный, а галечный — ляжешь на подстилку, а камушки врезаются в тело. И дно было такое же. Зато пока идешь на пляж, сандалии набираются песка придорожного, и песок колется хуже, чем те камни.

Я совсем перестала читать. И когда в руки мне попала, наконец, книжка, — кажется, то были сказки Андерсена, на плотной желтоватой бумаге, случилась удивительная вещь: буквы перестали сбегаться. Некоторое время я еще смотрела в книгу. Нет, не сбегаются. Пошла к маме и сообщила ей новость:

— А я разучилась читать.

Объявила именно как новость — не часто удается сообщить взрослым что-

Руфь Зернова На море и обратно

Начало в № 57

нибудь такое, что может их удивить. Но у мамы стало какое-то испуганное лицо:

— Как разучилась?

— Ну, разучилась. Не умею больше.

— Совсем не умеешь? Не умеешь читать?

— М-м, — сказала я, не разжимая рта. Что значило — нет. Ничего особенного за этим маминым огорчением не последовало. Но по-моему, умение читать ко мне скоро вернулось. С первой же августовской грозой, когда пришлось сидеть дома.

Главное воспоминание — тетя Катя.

Тетя Катя — это кукольный театр. Она приезжает на дачу каждую неделю. И родители пишут ей записки о том, как себя вели их дети в эту неделю. Оказывается, что все вели себя хорошо. То есть, хорошо кушали. Это было сытое нэповское время, когда лозунг детских врачей был: «масло, яйца, молоко!» И я ежедневно за завтраком должна была съесть два яйца всмятку с натолканными туда кусочками белого хлеба. До чего же они мне надоели — и как же я о них мечтала лет пять спустя!

Тетя Катя прочитывала все эти записки вслух и хвалила каждого в отдельности. И детям, которые вели себя плохо, мамы говорили: «Вот подожди, напишу тете Кате плохую записку!» И это действовало.

Тетя Катя приезжала не одна, а с мужем, но я даже не помню, как его зовут. А между тем, скорее всего, это его голосом говорил и серый волк, и медведь, и людоед, и прочие опасности, встававшие на пути у Красной Шапочки, у Маши, у Ивана-Царевича, которого, учитывая Октябрьскую революцию, звали просто Ванечка. Все эти сказки показывала тетя Катя детскому населению нашей дачи несколько лет подряд, к великой этого населения радости. А в городе оказалось, что ее можно

пригласить с ее театром на детские именины, и я даже получила в подарок одно из тех золотых яблок, которые клевала Жар-птица.

Лет через пять дачу Дайна, естественно, у владелицы отобрали и национализировали. Там разместился какой-то дом отдыха. Еще через пять лет в Одессе стали возникать дачные кооперативы, — но никто из бывших владельцев членами кооператива не стал. Однако дачи старые, хоть они и принадлежали не людям, а организациям, упрямые одесситы именовали по-старому: дача Дайна, дача Хиони... А тетю Катю я в последний раз увидела году в тридцать шестом — каким-то ветром меня занесло на первомайский праздник во двор государственного учреждения. И там была тетя Катя со своим театром. Но тетя Катя тоже была национализирована и принадлежала не себе, а горсовету, и была она уже не тетя Катя, а Екатерина Митрофановна, и даже фамилия у нее оказалась — Серебренникова. Артистов, т.е. их голосов, стало много, и все новые, и кукла Ванечка была другая, новая... Зато в зале сидели не богатые дачные дети, а организованные пионеротряды.

Что за сказка была — не помню, я сразу ушла. Но тогдашнее дачное время было совсем другое, и последачное тоже. Эту осень двадцать четвертого года я помню хорошо. В моей жизни наступили большие перемены. Во-первых, я больше не ходила ни в какую группу: француженка стала ходить к нам домой, три раза в неделю, за шесть рублей в месяц. Тогда это были немалые деньги — няня получала столько же. Еще я стала ходить заниматься музыкой с милой женщиной — ее звали Беата, и чтобы дойти до ее дома, я даже должна была перейти Тираспольскую улицу, по которой шел трамвай. Одна! Правда, эти уроки продолжались недолго — вскоре Беату сменила Анна Ноевна, которая жила в нашем же доме. И — о самом главном: в эту осень у Жоржика начались репетиции. И мама исправно меня туда возила. Это уже были не какие-то там басни Крылова. Это был настоящий спектакль, инсценировка некрасовского «У дедушки у Якова».

Ставил спектакль репетитор Жоржика, готовивший его в четвертый класс школы. Его фамилия была Футран — и больше ничего о нем не помню, хотя вижу и сейчас отчетливо. Мы сначала водили хороводы. Для этого мама сшила мне длинный зеленый шерстяной сарафан — такого длинного не было, между прочим, ни у кого в хороводе. И знаете, что мы пели? «Сватушка, сватушка» — слова Пушкина, музыка Даргомыжского. Из следующего года и поразилась, встретив знакомые слова, которые в напечатанном виде я поняла лучше, но тоже не совсем.

Продолжение следует

Еврейский международный

Начал вещание круглосуточный еврейский канал на русском языке. Jewish News One (JN1), первый международный еврейский канал новостей, который доступен в режиме онлайн в Интернете. «Это важный шаг вперед в поступательном развитии уникального 24-часового международного телеканала... Jewish News One (JN1) можно посмотреть практически в любой точке земного шара. «Он доступен для всех — евреев и неевреев», — сказал Генеральный директор Европейского еврейского союза (EJU) Томер Орни.

Уже первые недели работы официального сайта телеканала дали такие результаты, которые стали неожиданными и для редакции, и для владельцев JN1. Статистика, а она, как

известно, наука точная, свидетельствует, что за несколько недель работы сайта JN1 наибольшее число посещений его приходится на четыре страны: Соединенные Штаты Америки, Франция, Китай и... Марокко. Можно, конечно, понять интерес к еврейским новостям со стороны жителей США, Франции и даже многомиллиардного Китая. Но факт повышенного интереса со стороны жителей Марокко остается пока непонятным, парадоксальным и вместе с тем сенсационным.

Пока аналитики продолжают изучать статистику посещений официального сайта JN1, этот телеканал продолжает стремительно завоевывать мировое медиапространство, ежедневно укрепляя за собой репутацию рекордсмена. Владельцами телеканала являются украинские бизнесмены Игорь Коломойский и Вадим Рабинович.

Страна Поэзия

Евгения Заславская

Родилась в Одессе. Окончила Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, специальность — украинская филология.

Стихи пишет с детства на русском и украинском языках. Автор поэтический сборников: «Ненаписанные картины», «Между прошлым и будущим».

Публиковалась в газетах: «Ветеран», «Кривоозерщина», «Подольянин», «Сільські вісті», «Чорноморські новини».

Пришла весна воздушным легким
бризом,
Дыханьем ветра, нежным
мотыльком,
Походкой плавной, девственно-
капризной,
Волшебной птицей в небе
голубом.

Безумным ритмом бьется
пробужденье,
Всего живого участился пульс,
В природе начался
процесс творенья
Из неизвестных нам
досель искусств.

Моих стихов ажурное плетенье
На белый лист задумчиво
ложится,
Нелегкий труд — творить
стихотворенье,
Чтоб ожила безмолвная страница.

Ведь столько слов имеется
в наличье,
А выбрать нужно главные из них,

Придумать им красивое
обличье,
Чтоб получился
нежный женский стих.

О! Это таинство,
мне посланное свыше,
За эти муки я тебя благодарю!»
Пишу стихи, мои простые
«вирши»

О вере в счастье,
солнце и зарю!

Последний день летний заплакал
дождем
«Как жаль расставаться!» -
мне слышится в нем.
Тяжелые капли стучат по листве,
Цветы притаились в промоклой
траве.

Увы, лето быстро промчалось,
как миг,
Еще красоты всей его не постиг,
Еще бы немножко
понежиться в нем,
А небо уже разрыдалось
дождем...

Ты очень часто снишься мне,
Весенним ливнем плачешь тихо,
Играешь зайчиком в окне,
Зеркальным отражаясь бликом.
То легким ветром прядь волос
Подынешь, весело играя,
Закружишь в аромате роз,
То зазвенишь звонком трамвая.
Я оглянусь на голос твой
И взгляд почувствую, дыханье...
Тебя здесь нет, но ты со мной —
Моей любви воспоминанье...

Моему отцу посвящаю
Словно талая вода
Ночь умчалась в никуда,
Звезды спрятались за тучи,
Показался солнца лучик.

Кот прищурил хитрый глаз,
Потянулся пару раз,
И пошел без промедленья,
Обходить свои владенья.

С мотыльком сыграл он в прятки,
Посмотрел в порядке ль грядки,
Огурцы и помидоры,
Воробья согнал с забора.

Подустал... Пригрело солнце
Зайчик солнечный в оконце.
Кот пошел просится в дом,
Ну, а мне махнул хвостом...

Учитесь видеть красоту
В дыхании ветра поутру,
В небесной сини, в облаках,
Цветах, растущих на лугах.
В благоухании весны
И вечной зелени сосны,
В росе, застывшей на траве,
И в снежном праздничном
ковре,
И в черном бархате земли,
И в алом трепете зари.

Учитесь слышать красоту
В движении листьев на ветру,
В раскате грома в небесах,
И в эхе спрятанном в горах,
И в тайном шепоте морском,
В мотиве грустном
дождевом,
В весенней песне соловья,
В журчании первого ручья,
В тиши таинственной ночной
В звучании музыки земной.

Детский уголок

Самуил Маршак

Апрель

Апрель! Апрель!
На дворе звенит капель.
По полям бегут ручьи,
На дорогах лужи.
Скоро выйдут муравьи
После зимней стужи.
Пробирается медведь
Сквозь густой валежник.
Стали птицы песни петь
И расцвел подснежник.

Вот какой рассеянный

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.
Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки -
Оказалось, это брюки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто -
Говорят ему: не то.
Стал натягивать гамашу,
Говорят ему: не ваши.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

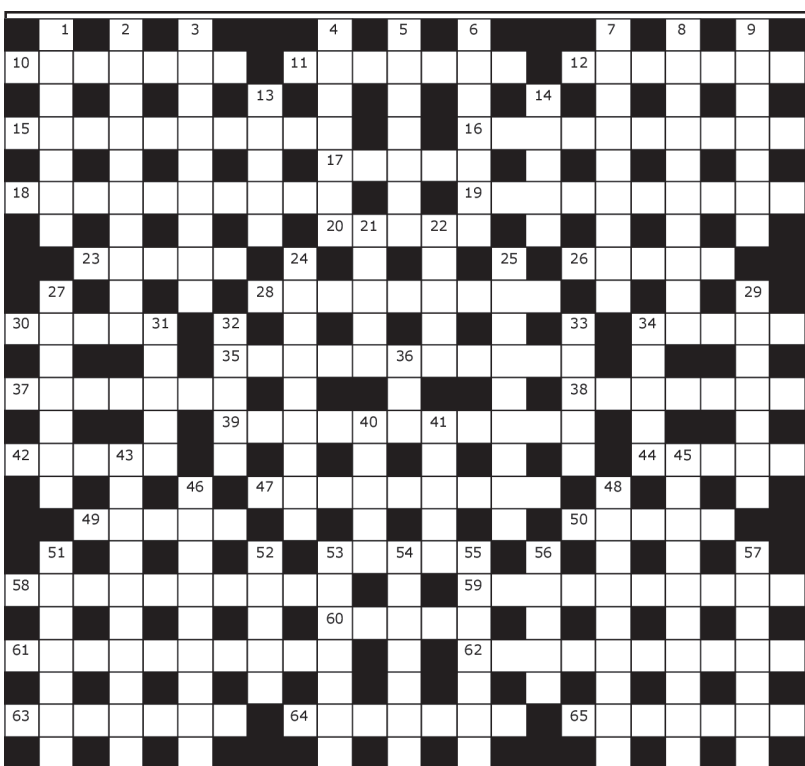
Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.

Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:
- Глубокоуважаемый
Вагоноуважаемый
Глубокоуважаемый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзал остановить?
Вожатый удивился -
Трамвай остановился.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внёс узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...
- Это что за полустанок? -
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.
Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

- Это что за остановка -
Бологое или Поповка?
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.
Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:
- Что за станция такая -
Дибунь или Ямская?
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.

Закричал он:
- Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

По горизонтали: 10. Прямокрылое насекомое, издающее стрекочущие звуки. 11. Ремень для собаки. 12. Восточный старец. 15. Синтетический полимер. 16. Научная специализация Жака Ива Кусто. 17. Муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака. 18. Мост на пересечении сухопутных дорог. 19. Башня московского Кремля. 20. Золотая слива. 23. Движение орудия после выстрела. 26. Рекламная 28. Полуостров на юге-востоке Азии. 30. Змея с капюшоном. 34. Сладкая смерть. 35. Инвазионная болезнь человека и животных. 37. Надпись в нижней части кадра. 38. Небольшая инструментальная музыкальная пьеса. 39. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 42. ... стынет. 44. Родонит. 47. Страх перед появлением на коже угрей. 49. Минерал группы пироксенов. 50. Самый большой остров Японского архипелага. 53. Город на Украине. 58. Вечная жизнь. 59. Абориген "туманного Альбиона". 60. Немецкий живописец и график, основоположник искусства немецкого Возрождения. 61. Реакционность. 62. Деспотичность. 63. Римский холм. 64. Силовой элемент конструкции летательного аппарата. 65. Чертежный инструмент.

По вертикали: 1. Вид городского транспорта. 2. Зодчий. 3. Город в Нидерландах. 4. Автор повести "Приключения Пинокио". 5. Популярный персонаж анекдотов. 6. Столица государства в Азии. 7. Теневая 8. Озер в Африке. 9. Прусак. 13. ... познания. 14. Вулканическая горная порода. 21. Рисунок, набросок. 22. Избитое выражение. 24. Река в Якутии. 25. Полумера. 27. Музыкальный винегрет. 29. Российский писатель и философ, друг Александра Пушкина. 31. Заключительное слово молитвы или проповеди. 32. Старинное речное судно. 33. Сосед европейца. 34. Прохладительный напиток. 36. Одногоорбый верблюд. 40. Рассказ Антона

Чехова. 41. Вначале было 43. Вскрытие живого организма с научной целью. 45. Рубашка для младенцев. 46. Деталь стрелочных часов. 48. Раздел оториноларингологии. 51. ... Победоносец. 52. Карточная игра. 53. Сорт конфет. 54. Порт на реке Висла. 55. Женское имя. 56. Нарядная застежка. 57. Древнее название флейты.

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 66

По горизонтали: 1. Платон. 6. Овринг. 10. Минск. 11. Ляссе. 12. Мархур. 13. Цикорий. 15. Ворс. 17. Анжу. 18. Клара. 19. Лоск. 24. Ворон. 25. Одонтофобия. 27. Петербуржец. 28. Кишка. 31. Трёп. 32. "Мцыри". 35. Узда. 38. Кафе. 40. Бейсбол. 42. Джокер. 43. Илион. 44. Ёрник. 45. "Арабат". 46. Ацетон.

По вертикали: 1. Полова. 2. Ассюре. 3. Отец. 4. Виноградарь. 5. Осмий. 7. Враг. 8. Ишхан. 9. Гурзуф. 14. Иглу. 16. Потоп. 17. Акроним. 20. Конец. 21. "Лолетта". 22. Интерцессия. 23. Кичка. 26. Обмёт. 29. Арго. 30. Тундра. 33. Радист. 34. Леннон. 36. Диона. 37. Цедра. 39. Лета. 41. Линц.

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:
Украина, 65023,
г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ "Пивденный"
г. Одесса МФО 328209

В Культурном центре
Хеседа
по средам
с 10.00 до 11.30
работает кружок

"Вышивка бисером"

Руководитель —
Инна Корсунская.
Приглашаются желающие
овладеть интересной методикой.
Справки по тел. 737-40-13

Улыбка

—Что-то я ленивый стал. До обеда совершенно не хочется ничего делать.
—А после обеда?
—Тем более.

—Мама, ты видишь, у меня в гостях три прекрасные девушки?
—Вижу.
—А как ты думаешь, мамочка, какая из них станет моей женой?
—Вон та, блондинка.
—Как ты догадалась? Она тебе понравилась?
—Понравилась? Я ее сразу же стала ненавидеть!

—Маня, сколько стоила наша машина?
—Восемь тысяч.
—Значит, нам повезло. Я только что проиграл ее за десять.

—Я хочу у вас работать гаишником.
—Пожалуйста, оформляйтесь.
—А денег сколько?
—А вы зайдите в бухгалтерию, и там вам скажут, сколько вам будут платить.
—Что? Еще мне будут платить???

—Господин Рабинович, вас сюда доставил милиционер в пьяном виде.
—Хорошенькое дело. Милиционер в пьяном виде, а задержал меня!

—Официант, что у вас за битки? Твердые, как подошва.
—Извините, пожалуйста, я сейчас вам их замену.
—Извините, но я от одного из них уже один раз откусил.
—И вы меня извините, пожалуйста, но я от одного из тех битков, что через полчаса принесу вам, тоже один раз откушу.

—Хотите что-нибудь добавить к последнему слову?
—Нет, господин судья, ведь если я что-нибудь добавлю, то и вы мне, разумеется, добавите.

—Это милиция?
—Да.
—Говорит директор 505-й школы. Я волнуюсь. У меня пропал целый класс. Ученики ушли на экскурсию и до сих пор не вернулись.
—Записываю. Куда они пошли?
—На кондитерскую фабрику.

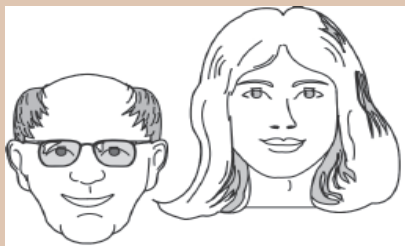
—Додик, ты слышал про Борю?
—А что я должен был слышать?
—Ему дали пять лет.
—За что так строго?
—А он назвал министра идиотом и кретином.
—И за это пять лет? Не может быть!
—Может! То, что министр был идиотом и кретином являлось государственной тайной, и Борю посадили за разглашение этой тайны.

—Превышаем скорость, гражданин? Ваши права!
—Пожалуйста.
—О, свеженькие! А фотография где?
—Извини, друг. Только утром купил. Забыл фотку клеить. С меня бутылка.

—Отвечайте, почему вы разводитесь с мужем?
—Не могу с ним больше жить, господин судья. Он все время меня обманывает.
—Поясните.
—А он из командировки постоянно возвращается на день раньше, чем обещает.

БФ "Хесед Шаарей Цион" приглашает желающих на бесплатные занятия по фитнесу

под руководством опытного тренера.
Занятия начнутся после комплектования группы.
Предварительная запись у Григория Письменного
ежедневно с 8.00 до 16.00.
по адресу: ул. Нежинская, 77/79,
второй этаж, каб. 213

В Культурном центре
Хеседа работает
Романтическая
гостиная

"Любви все возрасты покорны".

Одиночество — не лучшее состояние человека.
Все, кто хочет приятно провести время, познакомиться
с интересными людьми, найти друга или подругу,
приходите к нам по средам в 16.30.
Адрес: ул. Нежинская, 77/79
Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

Литературная студия "Откровение"

приглашает поэтов.
В программе:
основы стихосложения,
творчество поэтов —
классиков и современников,
творческие вечера.
Заседания проводятся
в Культурном центре
БФ "Хесед Шаарей Цион"
по средам в 14.00.
Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕЧКОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Со 100-летием
Рудую Хану

С 90-летием
Рехталер Любовь

С 85-летием
Вайнштока Владимира
Останину Нину

Плоткина Романа
Пономаренко Песю
Тепер Хову
Факторович Евгению
Фишмана Бернарда
Шехтман Тамару

С 80-летием
Беляева Зиновия
Гербера Рувина

Дунаевскую Мирру
Зеленина Игоря
Конявскую Марию
Лисневскую Веру
Михайлову Ларису
Мыльникову Галину
Нестеренко Михаила
Пиковскую Лиру
Уланову Ларису
Шаргородского Льва

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧНИКОВ — ВОЛОЧЯТЕРОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Берман Людмилу
Биленко Анну
Бондарчук Лидию
Горбунову Майю
Гринюка Василия

Елисаветского Герша
Коваленко Людмилу
Когана Наума
Лейбовича Зиновия

Окуль Нэлли
Потапенко Светлану
Рубана Александра
Рухлину Юлию
Фингерovu Софию

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Газета издается при поддержке
Claims Conference и American
Jewish Joint Distribution Committee

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.
Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 2600 экз. 3ак. №

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман,
А.Креймер, Ф.Мильштейн
Компьютерная верстка
А. Быков

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
www.dobroedelo-11.narod2.ru